

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ЛУГАНСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ
имени М. МАТУСОВСКОГО**

**МАТЕРИАЛЫ
IX ОТКРЫТЫХ
РЕСПУБЛИКАНСКИХ ЧТЕНИЙ
ПАМЯТИ М. МАТУСОВСКОГО**

19 мая 2016 г.

Луганск

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос)
МЗ4

Материалы IX Открытых республиканских чтений памяти МЗ4 М. Матусовского (г. Луганск, 19 мая 2016 г.). – Луганск : Изд-во ЛГАКИ имени М. Матусовского, 2016. – 68 с.

В материалах сборника освещаются актуальные проблемы исследования жизни и творчества М. Матусовского и его современников. Объектом пристального внимания исследователей стал феномен творческой личности художника в XX – XXI вв.

Для преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов старших курсов высших учебных заведений культуры и искусств.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос)

Ответственный редактор:

В. Л. Филиппов

Редакционная коллегия:

В. К. Суханцева,
Н. В. Колотовкина,
Н. И. Шилина

Рекомендовано к печати Ученым советом
Луганской государственной академии культуры и искусств
имени М. Матусовского
(протокол № 8 от 27 апреля 2016 г.)

Материалы докладов и сообщений, включенные в сборник,
печатаются на языке оригинала.

Ответственный за выпуск:

Н. В. Колотовкина

© Луганская государственная академия
культуры и искусств
имени М. Матусовского, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

<i>Зайцева И. П.</i> Уникальность «поэтики безыскусности» лирического творчества Михаила Матусовского.....	4
<i>Звезда Г. В., Руднев Е. Н.</i> Слово войны и слово о войне: особенности русского мировосприятия.....	11
<i>Павленко А. Е.</i> Языковой патриотизм и школа (кейс Шотландии).....	15

МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА В XX СТ.

<i>Патерыкина В. В.</i> Экзистенциальные понятия жизни и смерти в военной поэзии М. Л. Матусовского.....	20
<i>Черниенко Л. В.</i> Особенности воплощения темы «отцов» и «детей» в повести Анатолия Алексина «Безумная Евдокия».....	27
<i>Дьякова Т. А.</i> Фразеологизмы как образное средство поэзии Михаила Матусовского.....	30
<i>Литвинова Н. Б.</i> Бытийно-нарративные конструкции-высказывания как носители историко-фактологической информации эпохи в мемуарных текстах М. Матусовского и К. Симонова.....	32
<i>Леоненко А. С.</i> Єдність вияву життя митця в літературі фентезі ХХ століття.....	36
<i>Чевичалова С. В.</i> Основні медіа-освітні підходи в контексті проблеми використання сучасних технологій формування професійних умінь майбутніх філологів.....	40

ТЕМА МАЛОЙ РОДИНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ XX СТ.

<i>Подтынная А. А.</i> Михаил Матусовский: школьники помнят любимого поэта.....	42
<i>Москалюк Б. А.</i> О Михаиле Матусовском и Андрее Медведенко: два поэта – одна тема.....	45
<i>Чернов А. А.</i> Литературно-документальная книга М. Матусовского и К. Симонова «Луганчане».....	55
<i>Беломоина Е. С.</i> Сотрудничество Михаила Матусовского с композиторами-песенниками.....	59
<i>Ищенко Н. С.</i> Йокнапатофские локусы в творчестве Уильяма Фолкнера как центры формирования и осмысления истории.....	63
<i>Сведения об авторах</i>	66

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 82-192

*И. П. Зайцева,
г. Луганск*

УНИКАЛЬНОСТЬ «ПОЭТИКИ БЕЗЫСКУСНОСТИ» ЛИРИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

*Сверчки в тени чертополоха
Ведут беседу.
Когда мне станет очень плохо –
В Донбасс уеду.
Туда, где ястребы степные
Спят на кургане,
Где чуть дрожат огни ночные
В моей Лугани.*

*Где в темноте стоит свеченье,
Как в небе дальнем.
Где все слова звучат в значенье
Первоначальном.
Где пролегла степей безмерность,
Холмами горбась.
Где верность – это значит Верность,
А подлость – Подлость.
Михаил Матусовский, 1974 год*

Уже более полувека многие песни, написанные на слова Михаила Матусовского [6; 7], воспринимаются как народные – достаточно вспомнить «Подмосковные вечера», «Что так сердце растревожено», «Берёзовый сок», «С чего начинается родина?», «Школьный вальс», «Чёрное море моё», «На безымянной высоте» и другие, невероятно популярные некогда, однако и до сегодня не утратившие популярности песни. Вероятно, словесной ткани лирических стихотворений Михаила Матусовского, которые удивительно легко и естественно ложатся на музыку, присуще нечто такое, что не только находит эмоционально-эстетический отклик у представителей разных поколений, но и придаёт этой лирике своеобразную «вневременность», позволяя ей оставаться актуальной в разные периоды развития русского национального (и прежде всего – литературного) языка – в том числе и сегодня, в начале XXI века, когда русский язык претерпел и продолжает претерпевать очень существенные трансформации, обусловленные прежде всего экстралингвистическими факторами.

Стилевую тональность, свойственную большинству лирических произведений М. Матусовского, литературоведы нередко определяют как «поэтику безыскусности» (Н. Л. Лейдерман и М. Н. Липовецкий), квалифицируя таким образом стиль произведений, где автор «открывает поэтический текст навстречу читателю, который пришёл, что называется, из самых низов, говорит с ним на его языке, подчёркнуто демократическом, **вроде бы самом что ни на есть обыденном**» (выделено мною. – *И. З.*) [4, с. 226]. На самом деле, «обыденность» стиливой тональности подобного рода лирических произведений, как правило, *кажущаяся*, создаваемая в результате искусной, подчас филигранной работы художника со словом, базирующаяся на глубоком знании родного языка во всех его ипостасях (т. е. не только его литературной части, но и других коммуникативно-речевых сфер) и на безукоризненном языковом вкусе, тонком чувстве языка. Именно в ходе долгой и кропотливой работы с языковым материалом талантливому поэту удаётся придать словесной ткани своего произведения ту самую лёгкость и непритязательность, которая позволяет неискущённому читателю считать художественное произведение написанным «обычным» для него языке, созданным с помощью тех речевых средств, которые повсеместно употребляются всеми носителями языка в обычном общении.

Исследователи утверждают, что «поэтика безыскусности» генетически связана с многовековой традицией русской хоровой лирики; в XIX веке на основе последней сформировалось и приобрело широкую популярность лирическое творчество таких известных поэтов, как Иван Никитин и Алексей Кольцов, а также поэтов, объединившихся в 70-е годы XIX века в «Суриковский литературно-музыкальный кружок»: С. Д. Дрожжина, Ф. С. Шкулёва, Е. Е. Нечаева, П. В. Орешина, А. П. Чапыгина и даже молодого С. А. Есенина (представителей этого объединения нередко называют поэтами-суриковцами). При этом «сам феномен хоровой лирики как генетической почвы авторской поэзии ещё ждёт своего изучения, однако очевидно, что происхождение и функциональная роль хоровой лирики в жизни русского народа обусловили, с одной стороны, её связь с глубинными архетипами народного сознания, с сакрально-мифологической антологией, а с другой – с бытом народа, с живым эстетическим сознанием, её роль как одной из основ массовой культуры» [Там же].

В XIX веке традиция «поэтики безыскусности» всё же не имела в русской литературе широкого распространения; она носила скорее локальный характер, хотя и воплотилась в ряде блестящих образцов поэтических произведений – как, например, ставших популярными романсами лирических стихотворений А. Кольцова («Люди добрые, скажите», «Ты не пой, соловей», «Не шуми ты, рожь» и другие).

В советское же время традиция «поэтики безыскусности» «стала одной из мощных художественных тенденций – она питает творчество таких больших поэтов, как С. Есенин, П. Васильев, М. Исаковский, на неё опираются В. Боков, **М. Матусовский**, С. Алымов, Н. Тряпкин, на этой почве сложились такие художественные потоки, как творчество новокрестьянских поэтов (в 1910 – 1920-е годы) и «тихая лирика» (в 1960 – 1970-е)» (выделено мною. – *И. З.*) [Там же].

Представляется, что лирика Михаила Матусовского являет собой уникальный опыт масштабного воплощения в поэтическом творчестве именно означенной традиции, истоки которой, с одной стороны, уходят в древнейший вид коллективного поэтического творчества – хоровую лирику, а с другой – опираются на достижения ряда представителей лирического жанра XIX века – «золотого века» русской литературы. ««Поэтика безыскусности», которую разрабатывают стихотворцы, опирающиеся на традицию хоровой лирики, действительно находится на очень зыбкой грани между подлинным искусством и «маскультом». Стихи, написанные в этой манере, порой кажутся **«простенькими»** (так, кстати, И. Сельвинский и С. Кирсанов отзывались о стихах Твардовского), но **они по своему стилевому заданию и должны казаться «простенькими»** (выделено мною. – *И. З.*) [Там же].

«Простота» словесного пространства лирики М. Матусовского, которая отмечается практически всеми интерпретаторами его творчества, – на самом деле, лишь кажущаяся: она воспринимается как характерное качество лирических произведений поэта только на начальном уровне их постижения; при более внимательном восприятии (как читательском, так и, безусловно, исследовательском, аналитическом) лирическое пространство стихотворений поэта оказывается многомерным семантическим образованием, со сложными ассоциативными и иного рода (*внутритекстовыми, подтекстовыми, внетекстовыми* и т. д.) связями. Лирические произведения М. Матусовского в полной мере иллюстрируют определение «поэтики безыскусности», предлагаемое Н. Л. Лейдерманом и М. Н. Липовецкий, по мнению которых, поэт, при создании произведений в заявленном ключе, говоря с читателем «на подчёркнуто демократическом, вроде бы самом что ни на есть обыденном языке», в то же время таким образом организует лирический дискурс, что «втягивает читателя в пространство поэзии, ведёт его за собою в глубины смыслов, затаённых в знакомых словах и явлениях, ими означаемых» [Там же].

Обратимся к конкретным лирическим стихотворениям М. Матусовского, которые, на наш взгляд, более чем убедительно подтверждают сказанное выше. Написанное в 1974 году стихотворение «Сверчки в тени чертополоха...» [Цит. по: 7], фрагмент которого выбран нами в качестве эпиграфа, при первом знакомстве с ним производит исключительно «безыскусное» впечатление: оно

начинается с весьма незатейливой пейзажной зарисовки (эта, вероятно, картина летней ночи); отобранный автором языковой материал в самом деле предельно демократичен и не отличается какими-либо заметными стилистическими и иными особенностями (вполне «обыденная» лексика: *сверчки, чертополох, степи, холмы, косогор, полынь* и т. д.):

Сверчки в тени чертополоха
Ведут беседу.
Когда мне станет очень плохо –
В Донбасс уеду.
Туда, где ястребы степные
Спят на кургане,
Где чуть дрожат огни ночные
В моей Лугани.
Где поезда в смятенье сами,
Летя сквозь полночь,
Пронзительными голосами
Зовут на помощь.
Где в темноте стоит свеченье,
Как в небе дальнем.
Где все слова звучат в значенье
Первоначальном.
Где пролегла степей безмерность,
Холмами горбясь.
Где верность это значит – Верность,
А подлость – Подлость.
Где я собрал на косогоре
Букет полыни,
И на губах осталась горечь
Ещё поныне.
Сверчки в тени чертополоха
Ведут беседу.
Когда мне станет очень плохо –
В Донбасс уеду.

Искусство «втягивания» читателя в «глубины смысла», развёртывания перед ним совсем иной, осложнённой множеством подтекстовых, ассоциативных и другого рода связями содержательно-концептуальной картины проявляется прежде всего **в организации** привлечённого поэтом языкового материала, способах презентации его своему адресату. К примеру, в приведённом стихотворении искусно использован такой стилистический приём, как *парцелляция* – «явление динамического аспекта, заключающееся в разделении

предложения на несколько самостоятельных фраз в экспрессивных целях» [2, с. 481]: в небольшом по объёму лирическом тексте парцелированными оказываются 7 (!) фрагментов сложноподчинённого предложения, причём все они представляют собой придаточные части, которые, как правило, в автономном виде не функционируют (ср., в частности: *Где пролегла степеней безмерность, / Холмами горбясь; Где верность – это значит Верность, / А подлость – Подлость* и т. п.).

В результате последовательного многократного обращения к приёму парцелляции на достаточно ограниченном участке лирического текста в стихотворении закономерно актуализируется приём *градации* («стилистической фигуры, состоящей из ряда словесных компонентов, расположенных в порядке их возрастающей или (реже) убывающей семантической и/или эмоциональной значимости, что порождает стилистический эффект» [9, с. 139]); в данном случае *восходящая градация* использована для образно-речевой конкретизации *богатства* и *разнообразия* тех чувств и переживаний, которые охватывают лирического героя при воспоминании о его малой родине и, словно «нанизываясь» друг на друга, безусловно и расширяют семантический план изображаемого, и существенно повышают его эмоциональность. Эти воспоминания (на первый взгляд, также весьма «безыскусные», связанные с конкретными, очень незатейливыми событиями: *Где пролегла степеней безмерность, / Холмами горбясь; Где я собрал на косогоре / Букет полыни...*) оказываются своего рода импульсом, толчком для очень важных мировоззренческих заключений, для своеобразной «проверки» лирическим героем собственной системы ценностей и окончательной убеждённости в их правильности: *Где все слова звучат в значенье / Первоначальном; Где верность – это значит Верность, / А подлость – Подлость.*

По мере развёртывания лирического пространства поэт мастерски организует восприятие его читателем, ведя последнего от наблюдения за самыми обычными явлениями, от просто их созерцания – к философскому осмыслению, постижению ценностного смысла этих фактов, т. е. от наиболее привычной, обыденной семантики хорошо знакомых слов – к более глобальному, духовно значимому их смыслу, расширяя и наращивая при этом семантический объём привычных слов и выражений: за счёт углубления, разветвления их и контекстуальных и ассоциативных связей, выстраивания между элементами лирического текста дополнительных парадигматических отношений и т. д.

Благодаря такой авторской организации используемого в лирическом тексте языкового материала значения многих слов существенно в нём трансформируются – бесспорно, в плане расширения семантического объёма, актуализации не только синхронных, но и диахронических связей с другими элементами русского языка – т. е. в плане максимально возможного

«углубления» семантики. Так, например, слово *первоначальный* (*Где все слова звучат в значенье / Первоначальном*), которое обычно используется в одном из двух значений ('предшествующий всему прочему, самый первый; начальный, исходный': *первоначальный план* – либо 'являющийся началом, первым этапом, первой ступенью чего-либо': *первоначальное воспитание*), в приведённом контексте однозначно расширяет свою семантику, объединяя в себе не только оба свойственных ему в литературном языке значения, но и присущие ему оттенки значений, в настоящее время ещё не ставшие автономными: 'бывший ранее, прежний': *первоначальная форма* – и 'самый простой, элементарный': *первоначальные сведения по математике* [толкование значений слова приводится по: 1, с. 792].

В результате авторской «подачи» слова в лирической структуре выражение «первоначальное значение» воспринимается не только как указание на основное, первичное значение слова, но и как отсылка к его истокам, первооснове смысла, акцент на тех связях и процессах, благодаря которым слово, собственно, и сформировало свой нынешний облик (в частности, на этимологических корнях; на более древних, возможно, уже утраченных значениях и т. п.). Актуализации глубинной семантики опять таки способствуют привлечённые автором *стилистические фигуры*: во-первых, достаточно редкая для поэзии XX века, всегда существенно повышающая экспрессию поэтического текста, фигура *анжамбеман* (*enjambement*), которая состоит в переносе – в первую очередь, конечно, с версификационными целями, но не только – части фразы из одной строки в другую [подробнее см. об этом: 8]; во-вторых, расположения эпитета *первоначальный* (с учётом всего сказанного, это, несомненно, эпитет, а не обычное определение) **в постпозиции**: *в значенье первоначальном*. Принимая во внимание то, что анализируемое выражение *уже* является включённым в парцеллированную конструкцию, и его семантико-ассоциативная многоплановость и экспрессивная полифоничность, как представляется, не вызывает сомнений.

Следует отметить ещё один – *грамматико-стилистический* – штрих, которым поэт изящно завершает создаваемый образ (*значенье первоначальное*): из двух сосуществующих лексико-грамматических вариантов определяемого эпитетом слова (*значение* и *значенье*) избирается второй, с точки зрения стилистической окраски – несколько более книжный; это также способствует подчёркиванию особой значимости созданного образа, являясь, по нашему мнению, своеобразным акцентом на его важности для автора, стремящегося передать своё отношение и адресату-читателю (о расстановке акцентов на стилистическом уровне как о весьма характерной особенности идиостилия М. Матусовского нам уже приходилось писать ранее [3]).

На наш взгляд, невозможно обойти исследовательским вниманием ещё один авторский приём вовлечения читателя «в глубины смыслов, затаённых в знакомых словах и явлениях, ими означаемых», реализованный в рассматриваемом стихотворении в одной из парцеллированных конструкций: *Где верность – это значит Верность, / А подлость – Подлость.*

При поверхностном восприятии приведённого фрагмента читатель заметит лишь разницу в написании двух повторяемых в тексте слов – абстрактных существительных *верность* и *подлость*: *верность* и *Верность*, *подлость* и *Подлость*. Однако даже при чуть более внимательном взгляде становится очевидным, насколько глубокий смысл вкладывается автором в означенные понятия избранной трансформацией привлечённого языкового материала. Во-первых, в лирическом тексте появляются два окказиональных образования – два имени собственных (*Верность* и *Подлость*), образованных от аналогичных имён нарицательных лексико-семантическим способом; в результате отвлечённые понятия переосмысливаются метафорически – олицетворяется, участвуя тем самым в создании тропа (олицетворяющей метафоры) – во-вторых. В итоге образно-речевая конкретизация изображаемого принимает отчётливо индивидуально-авторский характер с однозначным углублением вложенного в лирический фрагмент смысла: проекция вроде бы отвлечённых человеческих качеств на взаимоотношения людей становится более явственной, зримой и, безусловно, подчеркнута экспрессивной.

Рамки настоящей публикации позволяют ограничить анализ лишь некоторыми примерами «углубления смысла» в лирических произведениях М. Матусовского, хотя аналогичные рассмотренным и подобного рода семантико-эстетические трансформации обнаруживаются практически во всех лирических опытах поэта. Особо интересными для исследования видятся такие лирические стихотворения, как «Понимал ли, с каким мы встречаемся злом...», «Счастье», «Вернулся я на родину...», «Завещание», «Пароходы» и многие другие, тщательное рассмотрение которых в означенном аспекте, вне всякого сомнения, позволит глубже постичь феномен «поэтики безыскусности».

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1536 с.
2. Данилевская Н. В. Стилистические ресурсы синтаксиса (синтаксическая стилистика) / Н. В. Данилевская, Т. Б. Трошева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М. : Флинта; Наука, 2003. – С. 474 – 482.
3. Зайцева И. П. Индивидуально-авторское своеобразие песенно-лирического творчества М. Матусовского / И. П. Зайцева // Русская словесность как основа возрождения русской школы. – Липецк, 2013. – С. 150 – 156.
4. Лейдерман Н. Л. Современная русская литература: 1950 – 1990-е годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений : в 2 т. – Т. 1 : 1953 – 1968 / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Академия, 2003. – 413 с.

5. М. Матусовский о жизни. И жизнь о нём : сб. / под общ. ред. О. В. Приколоты. – Луганск : Максим, 2010. – 400 с.
6. Матусовский М. Л. Избр. произведения : в 2 т. / М. Л. Матусовский. – М. : Худож. лит., 1982. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы / авт. предисл. М. Л. Матусовский. – 1982. – 639 с.
7. Матусовский М. Л. Такая короткая долгая жизнь : стихи и песни / М. Л. Матусовский. – М. : РИФ «РОЙ», 1995. – 176 с.
8. Шилин В. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс] / В. Шилин. – Режим доступа : www.rifma.com.ru
9. Щербаков А. В. Градация / А. В. Щербаков // Культура русской речи : энцикл. словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. – М. : Флинта ; Наука, 2003. – С. 139 – 140.

УДК 811

*Г. В. Звездава, Е. Н. Руднев,
г. Липецк, Российская Федерация*

СЛОВО ВОЙНЫ И СЛОВО О ВОЙНЕ: ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

В начале XX в. немецкий философ, историк, культуролог, экономист и социолог А. Вебер, анализируя архетипические особенности русского духа, отмечал: «Всякому, кто имеет хотя бы отдаленное представление о России, известно: пусть она открывает себя несущему цивилизацию воздействию Запада, созданным им экономическим и, возможно, политическим формам и даже, как это происходит теперь, подчиняется господствующему влиянию западных идей и в том виде, какой они обрели в Германии, – но англосаксонского духа, его сути и представлений она не приемлет, наподобие того как огонь чурается воды. Она, словно шипя и преисполняясь ярости, будет всегда противиться английскому прагматизму и порожденному им типу человека; для того, чтобы избежать с ним соприкосновения, она в духовном отношении скорее устремится назад, в самые отдаленные уголки Азии и в степь. Не только по своей участи, но и в самом глубинном смысле по свойствам духа и души она противостоит ему, исходя из тех же основ, что и вся Азия» [1, с. 192].

«Русская цивилизация обладает глобальной значимостью и смыслом своего развития <...> Она не является механической суммой черт Западной (техногенной, материалистической) и Восточной (медиативно-созерцательной) моделей развития<...> В культуре России доминировали соборность, общинность, обусловленные типом социальной организации жизни и бытового уклада большинства населения, а также нестяжательство и примат духовного над материальным» [2, с. 128].

Даже самые авторитетные ученые и политики Запада однозначно подтверждают это положение. Знаменитый историк и философ Д. Тойнби, который

мечтал превратить весь мир в отряд кочевников, заключает: «Как под распятием, так и под серпом и молотом Россия – все еще «Святая Русь», а Москва – все еще «Третий Рим». Tamenusque recurret (все возвращается на круги своя)» [3, с. 174].

XX век – век величайших научных открытий и достижений – вписал трагичнейшую страницу в историю человечества, поставив под сомнение сам факт существования человека как рода. В эту страницу вписано главное событие российской истории – Великая Отечественная война. Нет дома, нет семьи, которые не отозвались бы на нее. Победа в ней далась всем нам слишком тяжело, а потому она в сердце каждого, она дорога, она свята.

Духовный опыт православной России, многострадальной, измученной, но сохранившей величие своей духовности, и в начале нового тысячелетия так и остается до конца не усвоенным, а порой и превратно истолкованным, когда героическое и патриотическое чувство народа разменивается на сомнительные политические барыши новоявленных просветителей и наставников. Пережитое Россией в период Великой Отечественной войны может стать существенной основой духовного пути человечества в уже совсем близком будущем. Если, подытоживая философское осмысление Первой мировой войны, Н. А. Бердяев в книге «Судьба России» делает вывод, что русский народ не выдержал испытание, потерял в ней свою идею, то военное лихолетье сороковых обратило народ к едва не утраченным святыням и восстановило в духовной культуре нации прерванную православную традицию миропонимания. В этой страшной войне раскрылась глубина русской ментальности, весь дух русского народа, для которого свойственно проявлять себя особенно полно в экстремальных условиях.

В мировосприятии русского человека идеальное, вечное и вечно едины. Отсюда понятно, почему морально-нравственные принципы общественного жизнеустройства, провозглашаемые коммунистической идеологией, нашли самый живой отклик в сердцах миллионов советских людей.

Строители новой, Советской империи, сплоченные великой и светлой идеей, понимали и осознавали, что они строят светлое будущее, воплощая идею справедливости (а не уравнительности в понимании западного обывателя или политехнолога) в реальной жизни, осуществляя вековечную мечту многих поколений. С этим связаны вплотную их трудовой энтузиазм и воинская доблесть, которые отражали глубинную суть народного духа и не могли быть принесены извне, что и показала Великая Отечественная война.

Война и фронт – межа и в сегодняшней жизни, которая открывает самую выразительную страницу святости, исторически присущей нашей Родине, и которую так остро ощущали защитники Ленинграда и Сталинграда, Бреста и Севастополя... Слово войны и слово о войне красноречиво свидетельствуют об этом. Это слово определено несет ключевой принцип жизнеречения, который

выстроен А. С. Пушкиным и всей нашей русской классической литературой. Именно наша родная литература, ее прекрасное слово сформировали духовность нескольких поколений советских людей, в том числе и героев краснодонцев, героев современного Луганска и Донецка.

Как известно, лирическая поэзия является высшей формой воплощения национального идеала. Родное слово заключает в себе идеал соборного единения. Фронтвики-филологи и педагоги (в широком смысле слова) ощущают это особенно остро, что отразилось в их стихах, прозе, воспоминаниях. Это свойство было присуще и большим, и малым поэтам, знаменитым и «безымянным» творцам художественного слова, искреннего слова войны и о войне. Достаточно вспомнить, что для А. Ахматовой, как и для большинства советских людей, Слово и Родина – синкрета (было ли это объявление о начале войны, исполненное Левитаном; песня ли «Идет война народная, священная война», стихи, читаемые Олегом Кошевым своим товарищам...). Защита родного слова и защита Отечества неразрывны. Знаменитая поэтесса в разгар войны торжественно клянется сохранить «русскую речь, великое русское слово». В этом русле можно рассматривать богатейшее поэтическое наследие Михаила Львовича Матусовского, которое по большей части в силу спаянности авторского и народного мировоззрения, воспринимается как глубоко народное («Подмосковные вечера», «Березовый сок», «С чего начинается Родина» и т. д.). В его творчестве отразилось единство фронтовых и мирных будней, ибо любовь помогла выстоять русскому, советскому солдату все ужасы войны.

Патриотический подъем и наших дней ознаменован появлением великого множества поэтов, которые не одержимы страстью графомании, а открывают свои души в слове о войне, ибо Россия, а вместе с нею и наши братья в Украине, переживают сейчас новые испытания, которые выпали на нашу долю в конце XX – начале XXI века. Идет война не только в Интернете, но и в нашей, можно сказать, страшной реальности. Состояние страшной, спланированной и привнесенной войны в наш славянский, русский мир гениально предчувствовал современный классик Юрий Поликарпович Кузнецов:

Старик с постели встал чуть свет –
Земле отдать поклон.
С крыльца взглянул на белый свет,
А воздух раздвоён.
Земная даль рассечена,
И трещина змеится;
Цветами родина полна,
Шипеньем – за граница.
«Мир треснул», – Гамлет говорил.
Он треснул наяву

Через улыбку и ковыль,
Сарказм и синеву.
Через равнину и окно
Пролёт двоящий путь,
Через пшеничное зерно,
Через девичью грудь.
Разрыв прошёл через сады
И осень золотую,
И с яблонь падают плоды
В ту трещину глухую [4].

Эти испытания легли тяжелым бременем на каждого, кто не утратил совести, кто помнит прошлое своей Родины, кто не очерняет, а поддерживает ее лучшие традиции, заботится о ее настоящем и будущем. Всех их объединяет родное слово, великий и могучий русский язык, который сейчас нуждается в защите, как и другие наши главные святыни.

В едином строю Бессмертного полка перекликаются мысли и чувства поэтов (больших и малых) Великой Отечественной и поэтов непокоренного Луганска [5, с. 150– 156], героического Донбасса (Игорь Гарганов, Людмила Гонтарева, Анна Коновченко, Владимир Надаенко, Павел Отрыганьев, Настюша Олейник и др. [6]), которые вместе с народом разделяли и разделяют страшную беду. Их единит Великое мужество, Великое самопожертвование, Великая любовь к Родине (Малой и Большой).

Все мы должны преклонить колена как перед героями нашего общего прошлого, трагического, но прекрасного, так и перед свершителями современной истории, полной драматизма и величия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вебер А. Германия и кризис европейской культуры / А. Вебер. – СПб. : Университетская книга, 1999. – 565 с.
2. Медведева Т. А. К вопросу о сохранении социокультурной идентичности современной России / Т. А. Медведева // Русское слово как основа возрождения русской школы : сб. – Липецк : ЛГПУ, 2014.
3. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: Мир и Запад : пер. с англ. / А. Дж. Тойнби. – М. : АСТ «Астрель» ; Владимир : ВКТ, 2011. – 318 с.
4. Кузнецов Ю. П. Поэма «Дом» [Электронный ресурс] / Ю. П. Кузнецов. – Режим доступа : <https://www.stihi.ru/2009/09/22/5063>
5. Зайцева И. П. Индивидуально-авторское своеобразие песенно-лирического творчества Михаила Матусовского / И. П. Зайцева // Русская словесность как основа возрождения русской школы : сб. ст. по материалам IV Междунар. заоч. науч.-практ. конф. : посв. памяти профессора Б. Т. Панова / Липец. гос. пед. ун-т ; редкол. : Г. В. Звезда (отв. ред.) и др. – Липецк : ЛГПУ, 2013. – 204 с.
6. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014 – 2015 годов : сб. стихов. – М. : Перо, 2015. – 112 с.

ЯЗЫКОВОЙ ПАТРИОТИЗМ И ШКОЛА (КЕЙС ШОТЛАНДИИ)

В последние десятилетия в Шотландии, как и в других регионах Великобритании, активизируется стремление сохранить или возродить культурно-языковую самобытность различных этнических групп и целых областей, в которых распространены «малые» языки и традиционные диалекты. Как известно, в Шотландии сосуществуют национальный вариант английского языка (Scottish English), шотландский язык (Lowland Scots), распространенный в равнинной части страны – Лоуленде, а также гэльский язык, в свою очередь подразделяющиеся на множество территориальных вариантов [7, с. 245]. Энтузиастами этноязыковой самобытности выступают представители интеллигенции, краеведы, литераторы, люди, интересующиеся проблемами родного языка. Для оказания помощи «малым» языкам и диалектам, а также для их изучения, создаются научные и культурные общества (например, Шотландская национальная словарная ассоциация – SNDA или Ассоциация шотландских филологов – ASLS). В этой деятельности также принимают участие государственные структуры, оказывающие правовую и финансовую поддержку.

Роль школы в условиях этнического двуязычия или диглоссии трудно переоценить. Среди факторов, способных упрочить позиции регионального языка, языка меньшинства или диалекта, самым эффективным является их включение в школьные и университетские учебные планы, что превосходит по своей значимости даже наличие непрерывной литературной традиции. Преимущество школы в сохранении «малых» языков и диалектов обусловлено тем, что школа передает подрастающему поколению язык функционально более богатый, чем язык повседневного общения в быту. Именно язык, на котором ведется преподавание в начальной и средней школах, имеет наибольшие шансы стать для учащихся основным средством общения. Кроме того, само существование школ с преподаванием на «малом» языке требует создания учебных пособий, подготовки учителей и т. п., что также является мощным фактором языкового развития. Ниже остановимся вкратце на роли школы в истории помянутого выше шотландского языка.

Сегодня для Шотландии характерна ситуация, при которой общество значительно терпимее относится к идее о расширении социальных функций и повышении статуса шотландского языка. Между тем, школы в условиях сосуществования и конкуренции шотландского и английского языков всегда были на стороне последнего.

Как известно, Шотландия, в отличие от Уэльса и Ирландии, объединилась с Англией мирным путем, в результате чего смогла сохранить относительную самостоятельность таких важных общественных институтов как церковь и правосудие, а впоследствии создала и собственную образовательную систему, существенно отличающуюся от английской. До наших дней должность школьного учителя здесь могут получить лишь те специалисты, которые получили педагогическое образование непосредственно в Шотландии [6, с. 8]. Несмотря на это, именно школы исторически стали одним из мощных факторов, способствовавших вытеснению шотландского языка и замене его английским, что отражало социальный заказ, начавший формироваться еще с того момента, когда шотландский король Яков VI стал преемником королевы Елизаветы I, умершей бездетной, и вместе со своим двором переехал в Лондон в 1603 г. [5, с. 136].

Негативный поворот в отношении к собственному языку начался в умах интеллектуалов, представителей высшего класса и просто у тех, кто стремился сделать карьеру и для этого вынужден был ездить в Лондон или же вовсе осесть в Англии, а позднее отношение к родному языку, как к неполноценному по сравнению с английским, получило широкое распространение среди городского населения Шотландии. Этот перелом в языковом сознании, произошедший в XVII-XVIII вв., нанес такой урон престижу шотландского языка, что призывы отдельных энтузиастов впоследствии не могли найти отклик в обществе, и языковой фактор не играл до XX в. заметной роли в доктрине шотландского национализма. Школы стали проводником этих взглядов, мотивируя это «благородной целью» очищения и исправления языка и подготовки учащихся к активному и плодотворному участию в жизни единого британского общества. Эта ситуация сохраняется до сих пор, хотя перемены в отношении к региональным культурным и языковым вариантам, произошедшие в последнее время, создают более благоприятные условия для сохранения и развития шотландского языка [4, с. 519 – 523].

До недавнего времени школы отнюдь не поощряли диалектную речь среди учащихся и пропагандировали литературный английский язык, практически не разграничивая функционально-стилистические особенности различных ситуаций общения. Предпринимались отдельные попытки включения предмета шотландской литературы в учебные планы, однако даже они рассматривались как идущие вразрез с высшими национальными интересами Великобритании. Терпимость к языковому многообразию считалась покушением на целостность единого общенационального английского языка. В этой связи следует отметить, что шотландские университеты всегда были настроены более терпимо по отношению и к шотландскому, и к гэльскому языкам, и традиция их изучения насчитывает уже более полтора веков [8].

Современные социолингвистические исследования, посвященные изучению отношения шотландского общества к традиционному шотландскому языку и к так называемым «скрытым» (covert) и «явным» (overt) шотландизмам в речи [3, с. 105 – 108] показывают, что для большинства населения школа является важным источником информации о местных диалектах, но эта информация имеет преимущественно односторонний и негативный характер. Даже признавая, что то или иное слово или фразеологизм, прозвучавшие в классе, представляют собой «правильный» шотландский язык с точки зрения классической литературы XV – XVII вв. [1, с. 122 – 123], педагоги, тем не менее, предостерегают учащихся от их употребления на том основании, что шотландизмы могут быть препятствием во время общения в официальной сфере и при трудоустройстве. Многие преподаватели считают своим долгом выявлять и исправлять в речи учащихся те черты, которые, по их мнению, относятся к малоавторитетным в обществе региональным вариантам.

Такой подход, освященный более чем двухвековой традицией, закрепляет негативное отношение к языковым меньшинствам, которое особенно сильно проявляется на этапе вторичной социализации и прежде всего в начальной и средней школах, а впоследствии и при найме на работу и существенно ограничивает возможности носителей традиционных диалектов, тем самым серьезно нарушая их права.

Между тем, повседневная практика показывает, что сейчас отношение общества к шотландскому языку и его диалектам может быть вовсе не столь негативно, как это представляется самим местным педагогам, и работодатели скорее предпочтут квалифицированного специалиста, не избавившегося от диалектизмов в своей речи, более слабому в профессиональном плане носителю литературного языка [5, с. 140]. Любопытно, что на рынке труда Англии шотландский акцент даже может давать некоторые преимущества, поскольку выходцы из Шотландии заслужили репутацию хороших работников (следует отметить, что по некоторым данным нечто подобное наблюдается сейчас в отношении белорусов на российском рынке труда).

Начиная с 70-х гг. XX в. ситуация с изучением шотландского языка и шотландской литературы в школе претерпела существенные изменения. Еще в 1976 г. А. Дж. Эйткен своей статьей "The Scots Language and the Teacher of English in Scotland" [2] вызвал в педагогических кругах оживленную дискуссию о преподавании шотландского языка в школе. Однако официальная система образования Шотландии, в том числе ее Центральная Комиссия по Английскому Языку (SCCE), на тот момент полностью отмежевались от нового взгляда на территориальные диалекты и «малые» языки, получавшие все большее распространение среди интеллигенции. Сторонниками возрождения шотландского языка был выдвинут тезис о том, что сосредоточение

преподавателей на таких «внешних» аспектах как произношение и общая «правильность» речи (а именно речи английской) не способно развить у учащихся умение использовать язык в реальной жизни во всей полноте его возможностей. Все большую популярность получал взгляд, согласно которому языковое и диалектное многообразие представляет собой источник жизненной силы общества, а вовсе не слабости, как было принято считать раньше. Языковое многообразие неразрывно связано с многообразием и богатством культуры нации и заслуживает самого пристального внимания и поддержки.

Придерживающиеся этих взглядов учителя и работники системы образования Шотландии пришли к выводу о необходимости переоценки результатов долгой и безуспешной борьбы с традиционными диалектами. Работы по социолингвистике и истории шотландского языка известных лингвистов таких, например, как А. Макинтош, А. Дж. Эйткен, Дж. Д. Маклюр, К. Макафи и др. стали теоретической основой новой концепции о месте и значении «малых» языков и диалектов в образовательной сфере. Через семинары, лекции и публикации новые модели преподавания родного языка, сама концепция «родного языка» как такового, а также новые факты изучения детской речи применительно к ситуациям билингвизма и диглоссии стали достоянием педагогической общественности и послужили материалом для выработки новых приоритетов и подходов. Общественное мнение, как уже отмечалось, хотя и медленно, но, все же, меняется в пользу поддержки шотландского языка и его диалектов, в том числе и через преподавание. Перемены в сфере школьного образования, традиционно более консервативного в плане языковой политики, чем университеты, способствуют дальнейшей демократизации шотландского общества и дают новые возможности носителям традиционных диалектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федосеева Н. Д. Языковая ситуация в Шотландии XIV – XVII вв. / Н. Д. Федосеева // *Диахроническая социолингвистика* / отв. ред. В.К.Журавлев. – М. : Наука, 1993. – С. 120 – 130.
2. Aitken A. J., 1976: *The Scots Language and the Teacher of English* / A. J. Aitken // *Scottish Literature in the Secondary School*. – Edinburgh, 1976. – P. 48 – 55.
3. Aitken A. J. *Scottish Accents and Dialects* / A. J. Aitken // *Language in the British Isles* / Ed.: P. Trudgill. – Cambridge, London, New-York, 1984. – P. 94 – 113.
4. Aitken A. J. *Scots and English in Scotland* / A. J. Aitken // *Language in the British Isles* / Ed.: P. Trudgill. – Cambridge, London, New-York, 1984. – P. 517 – 532.
5. Bailey R. W. *Teaching in the Vernacular: Scotland, Schools, and Linguistic Diversity* / R. W. Bailey // *The Nuttall Schell: Essays on the Scots Language: Presented to A.J. Aitken* / Ed.: C. Macafee and I. Macleod. – Aberdeen, 1987. – P. 131 – 142.
6. Macafee C. *Nationalism and the Scots Renaissance now* / C. Macafee // *Focus on: Scotland. Varieties of English around the World. General Series* / Ed.: M. Görlach. – Vol. 5. – Amsterdam-Philadelphia, 1985. – P. 7 – 17.

7. Macafee C. Why Scots is not a Celtic language / C. Macafee, C. O'Baoill // The Celtic Englishes / Ed.: H. L. C. Tristram. Anglistische Forschungen; H. 247. – Heidelberg, 1997. – P. 245 – 286.

8. Murray J. The dialect of the southern counties of Scotland: its pronunciation, grammar and historical relations / J. Murray // Transactions of the Philological Society. – London, Berlin, 1873. – P. 1 – 251.

МИР СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛИЧНОСТИ ХУДОЖНИКА XX СТ.

УДК 82-14 (477. 6)

В. В. Патеркина
г. Алчевск

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ВОЕННОЙ ПОЭЗИИ М. Л. МАТУСОВСКОГО

Тема жизни и смерти является одной из экзистенциальных в бытии человека. Смысл существования, завершённость жизненного цикла рано или поздно обостряются сознанием человека разумного, направляя мысль в художественный, религиозный, моральный, правовой поиск. В контексте аксиологической проблемы философии понятия жизни и смерти рассматриваются в общем ряду состояния счастья, любви, дружбы, ценности самой человеческой жизни.

Витальные потребности, комфорт, эмоциональное состояние, признание в обществе, карьерный рост, передача наследства, забота о потомстве – это далеко не полный перечень составляющих жизни человека. Но было бы крайне наивно полагать, что пребывая в ладу со здравым смыслом, человек абсолютно равнодушен к себе и к тому, что останется после него. Как бы ни проживал человек жизнь, каким бы смыслом не наполнял её, логическим завершением является прекращение биологического существования. Авторский термин «*homo mortirum*», предложенный в 2014 году и зафиксированный в ряде публикаций, наиболее точно отражает смысл и характер человеческого бытия. «Человек умирающий» – это понятие, вбирающее все другие определения человека, как то: *homo erectus*, *homo habilis*, *homo ludens*, *homo fabricus* и т. д.

Тема жизни и смерти актуальна не только для отдельного человека, но и для человечества. Особенно остро она вызывается к жизни в периоды социальных потрясений – революций, войн. Литература очень остро и тонко реагирует на то, как ощущает себя человек в момент наивысших потрясений, как проявляется его сущность при том или ином выборе. Наиболее ценны рефлексии поэта, пережившего состояние войны, оставившего в рифмованных строках не только свои ощущения, но и ощущения всего военного поколения. Военная поэзия М. Л. Матусовского пульсирующая тем, что фокусирует понятия жизни и смерти, пропущенные через мысль и нервы поэта. Многоликий по своей сущности художественный образ войны соткан из микрообразов, создающих широкую панораму жизни человека на войне [3, с. 150 – 151], его желание сохранить себя, преодолеть невзгоды и выстоять.

Предчувствие войны воплощено в стихотворении «Мальчишкам» и тревога за молодое поколение, которое не должно быть уничтожено, растворено, оказаться исчезнувшим. Павел Антокольский, говоря о поэте, отмечает, что война рисовалась ему несущимся чудовищем. И вот эта чума с мучительной тяжестью уже вгрызлась в земные недра, с маниакальной настойчивостью унижала и уничтожала всё живое на земле, всё, что растёт на ней, дышит и цветёт [2, с. 5]. Дерзость и дерзание присущи молодым, им должны достаться «самые лучшие книги – /Описания неба, строений и горных пород, / Трудовых инструментов – от камня до первой мотыги, / Незнакомых народов и климатов разных широт» [Там же, с. 29]. Постигание пространства от космоса до земных глубин, освоение времени от образования мира до цивилизаций, познание истины, которая тут же опровергается дерзновенным противоречивым мышлением, – вот что должно составлять сущность жизни молодых. Мечты о совершенствовании мира естественны, потому что это мечты о жизни, а противоестественна война, которая уничтожает культуру. Боль за предвоенное поколение, которое должно жить, созидать, а не умирать в войнах, присуща поэту. Он знает, что всё ещё сбудется – и первые разлуки, и первые похоронки. А пока неуютная предрассветная земля полна обещаний будущего неизведанного счастья. Всё должно достаться молодому поколению – созидающему, надеющемуся.

Поэт причислял себя к поколению, чья юность завершилась с началом войны. В стихотворении «23 июля 1941» он прощается с уходящей юностью под пулёмётную дробь, отправляясь в действующую армию в тесном ящике грузовика. Война обрывает надежды и вместо обустройства неуютной земли она бросает молодому поколению искорёженность судеб. Тональность стихотворения «23 июля 1941» под стать войне – тревожная, выдержанная в маскировочных окрасках: грузовик, мхи, буреломы, роши с высохшими болотцами, колодцы. «Действующая армия, уходящая юность моя» – воспринимаются поэтом как демаркация того, что было до войны и того, что есть сейчас. До войны – стремление мальчишек к постижению мира и время войны – «попрание труда, осквернение культуры», как писал о поэте Павел Антокольский.

Война сразу делает всё поколение взрослым, убирая беспечность молодости, ставя перед выбором жизни и смерти. Впротивовес попранию культуры, гимном неистребимости жизни звучит музыка. «Седьмая симфония в Москве» – стихотворение, утверждающее вечность человеческого разума и бесчеловечность разрушения. Ночные кварталы Москвы пронизаны стужей и темнотой, скупостью снега, который выдаётся, как хлеб, по карточкам. Солидарность природы и человеческого вечного бытия проявились в этой скупости снега и хлеба. Музыка делает прифронтовой военный город

прекрасным и незабываемым, утверждая торжество созидания над разрушением. Поэт верит в благоразумие человеческого разума, неистребимость культуры, а значит и жизни. Гений, сотворивший музыку, взлетает над хаосом, упорядочивает его расписанной партитурой. В гармоническом опредмечивании звучания музыки происходит таинство упорядочивания того, что, казалось бы, вышло из-под повиновения человека, что переросло в стихию. Звучание симфонии вырывается из ограниченной геометрии Колонного зала и выплёскивается во вне, преодолевая мглу, заснеженность, тревожность огромного не только города, а всего военного пространства. «Над миром катилась гроза. / Ещё никогда на концерте / Так близко не чувствовал зал / Присутствие жизни и смерти» [Там же, с. 41]. Музыка как противостояние антикультуре, бессмысленному разрушению, уничтожению самого человека и поэт пронзительно точно определяет антитезу жизни и смерти, проявленную, разделённую гармонией.

Пафос жизни превозносится, провозглашается в стойкости человека. Бесконечно уязвимое, легко убиваемое существо – человек – в представлении поэта предстаёт как всепобеждающий. «Когда от неба и до земли / Летели клочья седого дыма, / И только люди сносить могли / Всё, что для камней невыносимо» [Там же, с. 43]. Но это только метафоры, а реалии войны совсем иные.

Война делит человечество на живых и мёртвых. Живые ещё ощущают, желают, надеются. Мёртвые уже безразличны: не ощущают, не желают, не надеются. «Когда, одетый в огонь и дым, / Мир накренился, как в бурю судно, / И было трудно лежать живым, / А мёртвым было уже не трудно» [Там же]. От поэтических обобщений поэт переходит к собственному «Я» в восприятии войны. Природа неумолимо продолжает свой круговорот, весенние льдины, желающие сбросить холод зимы, опять скрежещут под напором талой воды. Весна упругой водой и жадностью к теплу отстранена от поэта, а «Я» остаётся один по другую сторону – он в зиме, в снегу, в одиночестве. Им ощущается обречённость, когда поэт прощается с миром последним взглядом, потому что рядом враг с единственной целью – отнять жизнь. Если весна, вода, льдины нацелены на жизнь, то поэт осознаёт обречённость и нацелен на смерть. Но всё его существо восстаёт против исчезновения, пресмыкающегося состояния: «Жить не украдкой, жить не ползком, / Подобно горной лететь лавине. / Мне нужно счастье всё целиком, / Мы не сойдёмся на половине» [Там же, с. 48]. Всеобъемлющее ощущение жизни – это желание поэта и человека, видевшего смерть.

Война диктует свой ритм проживания каждого дня, своё особое отношение к тем, кто рядом. Мгновенность жизни, пограничье между «есть» и «был» заставляет ценить мимолётные встречи фронтовой жизни, нехитрый солдатский уют. В стихотворении «Лесной городок» показано как строится всё

незатейливо («Сложили стены, сколотили стол, / Врубили дверь и затопили печи») и ненадолго («И после, ни о чём не сожалея, / Легко собрались и легко ушли») [Там же, с. 46]. Мимолётность, отсутствие постоянства, привязанности к людям и месту – маркеры военного времени. В этой зыбкости и случайности бытийствует человек: «Мы жили вместе, умирали вместе / И допаяк делили пополам» [Там же]. Мгновенность присутствия в определённой географической точке не даёт согласия поэту на мгновенность памяти. Он всё-таки верит, что в пустоте военного жилья остаются частицы человеческой души. Миг военного быта и вечность присутствия человека в нём противоречивы и не соизмеримы друг с другом. С такой же точностью не успевают осознаться ценность общения. Не стоит привязываться на войне к человеку, поскольку динамика войны по своей природе не предполагает долговременность общения: «Видно, мне ещё немало / Предстоит встречать людей / От привала до привала, / От дождей и до дождей» [Там же, с. 49]. Состояние фронтовой жизни отмечено промежутком «от» и «до», когда и происходят события, составляющие жизнь на войне: «помнить дружеские тайны, / Лица, званья, имена / всех попутчиков случайных, / С кем свела меня война. / С кем прощался на рассвете, / С кем в пути совет держал, / С кем в походном лазарете / В тесной комнате лежал» [Там же]. От географической точки «Мокрый Остров» поэт восходит к обобщениям значимости человеческого общения. Соглашаясь с шаткостью встреч, опасностью и напрасностью привязанности к людям, поэт, тем не менее, превозносит необходимость оценки постоянства дружбы именно в мимолётности войны.

Стихотворение «Я столько прошёл и проехал с тобой» могло быть обращено к другу, к девушке, к тому, с кем поэт ощутил «житейские тревоги и воздушные тревоги». Построенное на антитезах, стихотворение делает зримым и ощутимым ценность одного человека среди непостоянства военного бытия. Фоном ценности человеческого тепла являются железные и шоссейные дороги, родные и чужие города, дневные и ночные поезда, бескровные и кровавые эпохи, парадные и кирзовые сапоги – символы калейдоскопности перемещения поэта, изменчивости ситуации. И главным мерилom ценности человеческих отношений является осознание того, как преходяща жизнь на войне: «И столько друзей я оставил в пути, / О всех безвозвратно ушедших скорбя» [Там же, с. 54]. Тем бесценнее становится дружба, любовь, а для «Я» – «Ты»: «Мне никогда, никого не найти / Дороже тебя и роднее тебя» [Там же].

Острота осознания временного пребывания человека на земле в силу случайности и зависимости от непредсказуемости воспроизводится в стихотворении «Тропинка под обстрелом». В мирное время тропинка – соединение точек пространства, проявление обитания человека, необходимости его перемещения. А в военное время она стала линией, где обрывается

человеческая жизнь: «В оптический прибор / Здесь смерть следит за нами» [Там же, с. 57]. Труд войны тяжёл, она держит человека в физическом и моральном напряжении, требует от него особенной жертвы – всего человеческого естества. «И здесь короткий шаг / Длинней, чем жизнь любая» [Там же] – так через метафору хотелось поэту противостоять смерти. Короткий шаг на тропинке может быть короче мига – так происходит в реальности, когда снайпер бьёт в упор и всё пространство под его прицелом. Повсеместность смерти осязаема физически, она держит в прицеле каждого, кто попадает в поле её зрения, заставляет прижаться к земле, приводит в неестественное состояние согбённости человеческое тело. Поэт протестует перед уничтожением, в которое человека ввергает война. Но это самосохранение ради жизни: сжаться, чтобы важить ради продолжения самой жизни.

Поэт вышел из войны, преодолев смерть. Но война отпечаталась в сознании, в памяти, в совести, в снах всего военного поколения, как писал Павел Антокольский [Там же, с. 6]. Память поэта продолжает выверять правильность мирной жизни, соотнесённую с войной. Разделение на живых и мертвых, совершённое войной, перешагнуло в послевоенье. Стихотворение «Роща «Единица»» – настойчивое возвращение к тому времени, когда оценка человека происходит в момент наивысшей концентрации физических и духовных сил. Среди северных клёнов, посеченных обстрелом, среди скал, бойниц, мороза идёт военная работа солдата. В нечеловеческих, неестественных условиях проявляется человеческое в человеке: в пограничье между жизнью и смертью «Под огнём не лицемерят, / Перед смертью не лукавят» [Там же, с. 60]. Наивысшее напряжение фронтовой жизни не покидает поэта и является мерилем того, как проходит жизнь после войны, как она проживается и за погибших. Фронтовая память помогает «в каждом замысле и деле» [Там же]. Поэт уверен, что она подскажет «Все задачи и решенья. / Мы отныне ею будем / Мерять наши отношенья» [Там же].

Память опредмечивается в стихах, которые диктовала «непогода / В сырой землянке, ночью или днём». Поэт рифмовал четыре с лишним года бетон с железом и свинец с огнём для того, чтобы не растеклись, не исчезли, не растворились во времени «ощущения давно прошедших и забытых дней» [Там же, с. 67]. Его задача – донести до послевоенных поколений в рифмованных строках и память о мёртвых, и память о живых.

Уже в 1956 году М. Л. Матусовский, будучи верным фронтовой памяти, пишет стихотворение «Памяти неизвестного санитаря». Отдалённость от событий войны не избавляет, к счастью, от раздумий о ней, о перенесённых и вынесенных ощущениях. Парадокс поэта заключается в том, что отдалённость от события приближает к нему, делает зримыми и объёмными события ушедшие, но не уходящие. И опять сон, в котором переживается пережитое, реальные события

воспринимаются через...сон. Наслоение сновидений даёт отчётливое восприятие: поэт видит ползущего к нему санитаря: «Багровый шрам на закопченном лбу / И тёмную от пота гимнастёрку» [Там же, с. 101], слышит шуршание брезента мокрой плащ-палатки. Неизвестный санитар как проводник между жизнью и смертью, который призван склонить чашу весов в сторону жизни, вынеся на себе раненого бойца. От перехода этой линии из запределья вязкости смерти, которая не желает отпустить к отрыванию от небытия остаётся вначале семь метров. Геометрия уменьшается, и поэт чётко отсчитывает: «Нет – шесть, нет – пять, нет – только лишь четыре» [Там же]. В этом отчёте схвачено напряжение – сколько остаётся до перемещения из зоны «там», где взрывы, воронки к зоне «здесь», где неизвестный санитар, помощь, а значит – жизнь. Но смерть не желает отдавать жертвы: она оставляет у себя санитаря, который уже никогда не сможет переползти рубеж. Поэт сожалеет о том, что уже ничего не узнает о санитаре, ни его мыслей, когда он полз навстречу смерти, ни место его дома, ни его семьи, получившей весть о нём «в казённом проштампованном конверте» [Там же, с. 102]. Через годы, из войны в мирное время преодолевает пространство неизвестный санитар, соединяя живых и мёртвых. Он как напоминание о той цене, которую запросила война, как мерило для тех, кто остался жить, о правильности проживания, о передаче памяти. У поэта она обладает замечательным свойством: дистанцируясь от события, придавать ему ёмкость, выделять существенное и сущее.

Огранённость чувствами и мыслью творящего придаёт войне иное звучание – не расслышанное, не распознанное вблизи. Время даёт обретение осязаемости. Стихотворение «Двадцать второе июня» написано через девятнадцать лет после начала войны и через пятнадцать лет после Победы. В 1960 году поэт возвращается в юность, в день начала войны, и память преподносит лица, события, даты. Поэт признаётся: «Каждый раз, когда мне надо писать о 22 июня 1941 года, мои руки опускаются, и я часами сижу перед чистым листом бумаги, не решаясь начать первую фразу. День этот у каждого человека свой, с особыми приметами, мелочами, которые кажутся ему важными и значительными. Столько связано с этим днём неизгладимых воспоминаний и невозвратных потерь, что я и впрямь не знаю, как можно написать об этом» [1, с. 75]. Неизведанность, непереживаемость, неиспытанность трагедии – это сейчас, 22 июня 1941 года. А потом – чёрная завеса беды, солдаты, ещё не ставшие героями, ещё стоящие города и селения. «Юности нашей рубеж – двадцать второе июня» – маркер «до» и «после» не только юности, но и всего этого исторического времени. До этого рубежа – мир, юность, мечты, жизнь. А после – первый военный эшелон, «первый клочок бинта, / Залитый первой кровью, / Первая на земле бомбовая воронка, / Первая под сосной / Вырытая могила» [2, с. 155]. Всё впервые начинается с даты 22 июня 1941 года, но поэт

несёт в себе эту трагедию так, как будто это было вчера.

В год двадцатилетия с начала войны поэт в «Балладе о солдате» возводит рядового войны до пафоса. В образе солдата – обобщение подвига всего народа. В вечной динамике через глаголы «шёл, пел, бил» физическое состояние солдата воплощено в том, что он не знает преград, отдыха, теряя друзей. Его не сдерживают усталость, грозные ночи, смерть близких. И в этих противоестественных для человека условиях солдат поёт. Песня – всплеск чувств, состояние возвышенности над смертью. «Пел солдат, глотая слёзы, / Пел про русские берёзы, / Про карие очи, / Про дом свой отчий / Пел в пути солдат» [Там же, с. 239]. Базовые понятия, составляющие бытийность человека, – дом, любовь, Родина – под серыми шинелями рядовых – это и есть векторность жизни. Апофеозом баллады звучат заключительные слова: «Шёл солдат – слуга отчизны, / Шёл солдат во имя жизни / Землю спасая, / Смерть презирая, шёл вперёд солдат» [Там же, с. 240]. Поэтом выкристаллизована миссия солдата – утверждать жизнь и изживать смерть.

Для человека трагедийным моментом является не просто переход в инобытие, а растворение во времени, бесследное исчезновение в годах и веках. Особое звучание этот уход принимает на войне, когда единственная и такая прекрасная жизнь в любой миг может оборваться. За что она отдана? На войне, зачастую, за незнакомые посёлки, безымянные высоты, за крошечные эпизоды, составляющие ткань великой Победы. В этом и заключается парадокс – героизм рождается в буднях, не всегда замеченный и отмеченный. Но это внутреннее состояние самопожертвования за берёзы, очи, дом, отчизну, жизнь наполняется смыслом во имя чего.

«*Nomo mortirum*» человек умирающий, думающий о завершении жизни. Но война оттеняет, обостряет, делает колкой для мозга эту экзистенцию сохранения себя любой ценой, или сохранения жизни через попрание смерти, или жертвование жизнью ради жизни. Военная поэзия М. Л. Матусовского глазами очевидца зримо опредмечивает противопоставление жизни и смерти, поднимая ценность самой жизни как торжества человеческой культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матусовский М. Избранные произведения : в 2 т. / М. Матусовский. – М.: Худож. лит., 1982. – Т. 2 : Семейный альбом. – 559 с.
2. Матусовский М. Это было недавно, это было давно / М. Матусовский. – М. : Худож. лит., 1970. – 272 с.
3. Янцева И. В. Художественный образ в лирике военных лет М. Матусовского / И. В. Янцева, А. Е. Ширкова // Материалы VIII Междунар. чтений памяти М. Матусовского, посвящённых 100-летию со дня рождения поэта. – Луганск : Изд-во ЛГАКИ имени М. Л. Матусовского, 2015. – С. 149 – 151.

**ОСОБЕННОСТИ ВОПЛОЩЕНИЯ ТЕМЫ «ОТЦОВ» И «ДЕТЕЙ»
В ПОВЕСТИ АНАТОЛИЯ АЛЕКСИНА «БЕЗУМНАЯ ЕВДОКИЯ»**

Анатолия Алексина по праву называют в числе классиков русской детской литературы XX века. Его перу принадлежат десятки рассказов и такие широко обсуждавшиеся в критике повести, как: «А тем временем где-то...», «Мой брат играет на кларнете», «Добрый гений», «Третий в пятом ряду», «Сердечная недостаточность», «Раздел имущества», «Действующие лица и исполнители». И критики (И.Мотяшов, Л.Разгон, Б.Брайнина, И.Лупанова, Е.Зубарева и др.), и собраты по перу (А.Лиханов, А.Барто, И.Стрелкова, С.Баруздин) отмечали многогранность дарования этого писателя и необыкновенный талант человечности, которым обладал сам Алексин и которым он наделял любимых своих героев. Многие его рассказы и **все повести** вызывали в 70 – 80-е годы бурные дискуссии. В ходе этих споров нередко высказывались прямо противоположные точки зрения: от полного признания и одобрения до обвинений в излишней драматизации конфликтов и не в меру суровых нравственных «приговорах» персонажам. Особое место среди наиболее дискуссионных произведений Алексина занимает «Безумная Евдокия». Центральная проблема повести традиционна для детской и подростковой прозы – взаимоотношение людей разных возрастов, мира взрослого и мира детства в семье и вне семьи. Но решается эта проблема необычно.

Тема безумия, одна из наиболее актуальных в мировой литературе, в детской прозе – редкое явление. Поэтому повесть Алексина рассматривалась особенно подробно и даже предвзято. Несколько десятков статей и рецензий появилось в «Учительской газете», «Литературной газете», «Литературной России», журналах «Детская литература», «Наш современник», «Советская педагогика» и других. Наиболее значимые: Атрашенко Л. «На водоразделе добра и зла» («Учительская газета», 1977, 5 апреля), Белая Л. «Цена прозрения» («Литературная газета», 1976, 21 июня), Брайнина Б. «Достоинства, превращенные в недостатки» («Детская литература», 1976, № 5), Кваснецкая М. «Талант человечности» («Комсомольская правда», 1976, 10 сентября), Лиханов А. «Трудная наука» («Литературная Россия», 1977, 22 апреля), Стрелкова И. «Воспитание чувств» («Наш современник», 1978, № 1), Эйдинова В. «Подросток и книга» («Урал», 1978, № 5).

В повести сталкиваются две концепции безумия: безумие как болезнь (медицинская ипостась) и безумие как нарушение общепринятых норм поведения во имя какой-то идеи или цели.

Безумием, с позиции здравомыслящего человека, было решение Надежды, матери главной юной героини повести Оли, рожать ребенка, так как у нее был тяжелый порок сердца и категорический запрет врачей иметь детей.

Безумием было говорить «спасибо» только что родившейся дочери, после того как ее мать полгода лежала в больнице, а во время родов находилась на грани жизни и смерти. «Она не могла поступить иначе, – написала мне Надюша в своей первой записке после того, как нас на земле стало трое. – Меня полгода держали в больнице. Разве она могла обмануть мои и твои ожидания? Спасибо ей!» [1, с. 36].

И, наконец, безумием было всепрощенчество по отношению к Оле со стороны родителей, особенно матери, только на том основании, что дочь талантливый художник.

Безумная любовь родителей сделала Олю эгоисткой, не умеющей дружить и любить.

На фабульном уровне произведения – конфликт Оли и ее родителей с классным руководителем девочки Евдокией Савельевной. Но по сути все гораздо серьезнее.

В. И. Воронов пишет: «Разумеется, Евдокия Савельевна, обуянная идеей коллективизма, не выносила какого-либо проявления индивидуального, непохожего на других, характера... В классе она прежде всего замечала незаметных и выделяла тех, кто ничем абсолютно не выделялся. Ее любимыми словами были: «все», «со всеми», «для всех»... Поэтому она с самого начала повела методичную борьбу против ошибочных, по ее мнению, воспитательных методов Олиных родителей» [2, с. 120].

Некоторые поступки и высказывания Евдокии Савельевны, действительно, отдают коллективистским фанатизмом, за что она и получила прозвище Безумная. Но Ольга вступает в конфронтацию не только с классной руководительницей. В раскрытии характера героини важны ее взаимоотношения с двумя одноклассниками – Люсей и Борей, которых она считает посредственными людьми поэтому предает дружбу с Люсей и высмеивает любовь Бориса.

Конфликт подростка (Оли) и взрослых (родителей) не совсем типичен. Как правило, в детской литературе ребенок (подросток) борется за свои интересы с несправедливыми взрослыми и выступает в качестве жертвы. В данном случае жертвы – родители, которые принимают полностью сторону дочери и тем самым укрепляют в ней эгоистические проявления. Стремясь доказать Евдокии Савельевне и своим одноклассникам собственное превосходство, Ольга тайно (одна) проходит путь героя войны Мити Колягина. Но плата за этот «подвиг» оказалась слишком большой. Ее мать сошла с ума, т.е. в семью Ольги пришло реальное, настоящее сумасшествие.

Трудно сказать, кто победил в процессе воспитания Ольги, – родители или безумная Евдокия. Результат борьбы трагичен. И хотя отец думает, что победа осталась за ними, он понимает истинное положение вещей: «Мы с Надюшей боролись против «Безумной Евдокии» за право строить... или, как говорится, формировать Олин характер, – размышлял я. – Мы победили. И эта победа стоила Наденьке жизни. Или здоровья» [1, с. 63].

Алексин не выносит приговор главной героине, но сомневается в возможности ее быстрого изменения. Даже когда мать Оли попадает в психиатрическую лечебницу, дочь все равно до конца не понимает своей вины: «– Я прошла дорогой Мити Колягина. Было такое задание. Ты же знаешь...

Я (отец. – Л. Ч.) перебил ее:

– Он прошел этот путь, чтобы спасти людей. А ты, чтобы погубить... самого близкого тебе человека...» [Там же, с. 59].

«Безумная Евдокия» – многопроблемное произведение, но главная, концептуальная его проблема – соотношение формы и сути: явлений, отношений, людей, чувств. Афористичность языка позволяет предельно лаконично отразить авторскую позицию. «Когда слишком уж бурно ликуешь, не мешало бы вовремя спохватиться и подумать о том, что куму-то сейчас впору заплакать. А упиваясь собственным горем, не мешает подумать, что у кого-то в душе праздник, который, может быть, не повторится. Надо считаться с людьми!» [Там же, с. 38]. «Жить только собой – это полбеда... гораздо страшнее, живя только собой, затрагивать походя и чужие судьбы» [Там же, с. 61]. «Тот, кто любой ценой хочет быть первым, обречен на одиночество» [Там же, с. 62].

Конечно, для некоторых современных людей, прагматиков и циников, идея Евдокии Савельевны – воспитывать в детях талант человечности – кажется безумной, а сама учительница представляется сумасшедшей, но объективный смысл произведения убеждает адекватного читателя в том, что главная цель Безумной Евдокии может и должна быть реализована, ибо цель эта отвечает общечеловеческим нравственным законам.

Одно из достоинств автора «Безумной Евдокии» – оценка персонажей по их моральным качествам, а не по возрасту. Поэтому тема «отцов» и «детей» и в этом произведении, и в других решается не прямолинейно. Алексин, исследуя характеры своих героев, пытается убедить читателей разного возраста в том, что главные таланты личности – добротворчество и умение видеть и слышать другого человека.

В эпоху перестройки на ряду со многими положительными явлениями возникла ситуация деформирующей переоценки эстетических явлений, в том числе – литературных. Алексина, как и многих современных ему детских авторов (Р. Погодина, Ю. Яковлева, А. Лиханова, В. Железникова) попытались

оттеснить на задний план детской литературы или «забыть». Данная ситуация не отвечает объективным научным критериям.

Перспективы изучения творчества А. Алексина, в том числе повести «Безумная Евдокия», связаны прежде всего с исследованием художественного своеобразия его прозы: тех средств, форм и приемов воплощение нравственной проблематики, которые определили развитие нескольких направлений в детской и подростковой прозе рубежа тысячелетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексин А. Г. Третий в пятом ряду : повести и рассказы / А. Г. Алексин. – М. : Мол. гвардия, 1977. – 512с.
2. Воронов В. И. Анатолий Алексин : очерк творчества / В. И. Воронов. – М. : Дет. лит., 1980. – 174с.

УДК 82-14:81'373.4

*Т. А. Дьякова,
г. Луганск*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБРАЗНОЕ СРЕДСТВО ПОЭЗИИ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

Поэзия в контексте антропоцентрической парадигмы рассматривается как уникальный факт национальной и мировой культуры, феномен индивидуального творчества, источник познавательной информации, «продукт речемыслительной деятельности автора» [2, с. 3]. Национальный образ мира более всего отражается на фразеологическом уровне языка. Выполняя функции культурных знаков, фразеологические единицы (ФЕ) способны отображать культурное самосознание народа.

Во фразеологии запечатлено все то, что определяет менталитет народа: богатый исторический опыт, национально обусловленные стереотипы восприятия окружающего мира, представления о предметах и явлениях, особенности жизни и быта, обычаи, ритуалы, мифы, отражающиеся в образном мышлении данного языкового коллектива.

ФЕ характеризуются образно-ситуативной мотивированностью, которая напрямую связана с мировидением народа [4, с. 214]. Вслед за В. Мокиенко, под фразеологической единицей (фразеологизмом, фразеологическим оборотом, устойчивым сочетанием, устойчивым оборотом) понимаем «раздельно оформленную языковую единицу, которая является устойчивым, полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком» [3, с. 23].

Фразеологический фонд произведений Михаила Матусовского достаточно разноплановый. В поэзии ФЕ используются для характеристики персонажей, событий, передачи авторского отношения к образам.

Рассматривая фразеологию стихотворений Матусовского, выделим такие группы устойчивых сочетаний:

1) характеристика состояния персонажа. В произведении «Моя родословная» читаем: «Отец выпрашивал куски, Считал обиды и пинки...» [1, с. 19], полуголодную жизнь характеризует и устойчивое сочетание из стихотворения «Грузчики спят...»: «До утра позабыты все огорчения сразу: То, что ждет их семья, то, что нет ни росинки во рту» [1, с. 142]. Поэт трансформировал зафиксированные словарями устойчивые обороты *собирать куски* ‘выпрашивать милостыню’ (ср.: *кусочек хлеба* – ‘средство к существованию’) [5, с. 252], преобразовав структуру, и *маковой росинки в рот не взять* ‘совсем не пить спиртного, хмельного’ [6, с. 47], изменив и структуру, и семантику выражения;

2) описание поведения персонажа. В поэтической зарисовке из путешествий «Много бед наделало В кабачке прохладном «Цинандали» белое...» так описана работа повара: «Прямо над жаровнями Повар вился чертом, словно очарованный этим натюрмортом» [1, с. 228]. Считаем, что фразеологизм *виться чертом* является синонимом выражения *рассыпаться мелким бесом* ‘всячески угождать’ [6, с. 386]. Характеризуя поведение персонажа в стихотворении «Чубчик», поэт пишет: «Семь часов от боя и до боя, А потом – обратно по фронтам. Двух соперниц он водит за собою, Третья ходит сзади по пятам» [1, с. 24], преобразовывая наречием со значением локальности *сзади* структуру фразеологизма *по пятам* (*ходить, идти, гнаться*) ‘не отставая, неотступно’ [6, с. 374].

В песенке двух друзей из картины «Неподдающиеся» читаем: «Мы глядим беде в глаза, От забот не прячемся. И друг друга любим за, За такие качества» [1, с. 257]. Автор использовал разговорный вариант глагольной части ФЕ *смотреть [глядеть] в глаза* ‘не бояться чего-либо’ [6, с. 439], добавив дополнение *беде*, достигнув максимальной выразительности в характеристике персонажей;

3) характеристика внешнего вида. В стихотворении «Случай с фотографом», описывая внешность белогвардейских офицеров, Матусовский использует деепричастный вариант фразеологизма *проглотить аршин* ‘о том, кто держится неестественно прямо’ [7, с. 26]: «И, поставив в ноги сабли и аршины проглотив, Смотрят, черти, не моргая, в драгоценный объектив...» [1, с. 22];

4) описание неодушевленных реалий. Образный строй поэтических произведений М. Матусовского представлен множеством неодушевленных предметов. Так, например, в стихотворении «Покупаю железнодорожный билет» находим причастный вариант сочетания *ходить ходуном* ‘сильно сотрясаться’ [6, с. 509]: «В эту стоимость входит – жесткая полка, ходящая ходуном» [1, с. 107], а в «Чубчике» автор использует выражение *бить в глаза* ‘резко выделяться, быть особенно заметным’ [6, с. 36]: «...Бьют в глаза пробитые знамена...» [1, с. 25].

Таким образом, фразеологизмы в поэзии М. Матусовского играют роль средства создания образности, что связано с яркостью, выразительностью самих ФЕ, их оценочностью, национально-культурным колоритом, стилистическим

использованием выражений и уместностью использования фразеологического богатства русского языка в поэтических произведениях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матусовский М. «Это было недавно, это было давно...» / М. Матусовский. – М. : Худож. лит, 1970. – 272 с.
2. Мигранова Л. Ш. Фразеология романа «Анна Каренина» как фрагмент языковой картины мира Л. Н. Толстого : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Л. Ш. Мигранова. – Уфа, 2010. – 26 с.
3. Мелерович А. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / Мелерович А. М., Мокиенко В. М. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 484 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Фразеологический словарь русского языка / авт. коллектив : Федотов И. В., Лапицкий А. Н. – М. : Юнвес, 2003. – 608 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / Войнова Л. А., Жуков В. П., Молотков А. И. и др. ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., 1987. – 543 с.
7. Фразеологический словарь современного русского литературного языка русского языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова / сост. А. Н. Тихонов, А. В. Корольков. – Справочн. изд. : в 2 т. – Т. 1. М. : Флинта : Наука, 2004. – 832 с.

УДК 82.09

*Н. Б. Литвинова,
г. Луганск*

БЫТИЙНО-НАРРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ-ВЫСКАЗЫВАНИЯ КАК НОСИТЕЛИ ИСТОРИКО-ФАКТОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ ЭПОХИ В МЕМУАРНЫХ ТЕКСТАХ М. МАТУСОВСКОГО И К. СИМОНОВА

В настоящее время в филологии утверждается мысль о том, что мемуарный текст писателя является единицей многоуровневой, которая, помимо собственно фактуальной исторической и биографической информации, в контексте творчества писателя раскрывает и иные его аспекты – идеологический, аксиологический, культурологический. Специфику нарративной структуры мемуарного текста создают категория памяти, вербализация процесса припоминания событий прошлого, преломлённая сквозь призму личностного видения автором известных исторических и частных событий. В герменевтическом круге взаимодействие информации авторского мемуарного текста с информацией, известной читателю, предоставляет последнему возможность для более широкой, комплексной интерпретации творчества автора мемуарного текста, более глубокого понимания его идиостиля в контексте целой эпохи, ведь: «Живое знание эпохи обуславливает

убедительность мемуаристики, ее «вещественность», «наглядность». Поэтому мемуарная литература является частью не только художественной, но и духовной культуры общества в целом...» [10, с. 74]. В свою очередь, рассмотрение мемуарного текста в пространстве всего писательского художественного наследия также служит приёмом исследования черт языковой личности писателя – носителя морально-нравственных ценностей определённой эпохи.

Цель данного исследования – изучить в плоскости очерченной выше проблематики пространство мемуарного текста двух писателей М. Матусовского и К. Симонова через структурно-семантический анализ используемых ими бытийно-повествовательных конструкций – единиц с маркерами вербализации духовно-культурной информации.

По нашему мнению, достаточно весомой основой для подобного сравнительно-аналитического изучения является ряд фактов, среди которых принадлежность обоих авторов к одной историко-литературной эпохе середины XX века, одному поколению, работа в рамках общего художественного метода социалистического реализма. Опыт создания писателями мемуарного текста воплощён в частности в следующих произведениях: «Семейный альбом» (М. Матусовский), «Глазами человека моего поколения: размышления о И. В. Сталине», «Разные дни войны: дневник писателя» (К. Симонов).

В смысловой структуре анализируемых мемуарных текстов находится общая для двух авторов нарративная стратегия воспоминания: акцентирование внимания читателя на личностно значимых для них темах Великой Отечественной войны, человеческой судьбы, творчества в историческом интерьере советской эпохи.

Нарративная структура мемуаров обоих писателей характеризуется использованием принципа монтажности, фрагментарности описываемых в них событий. Центральное место здесь занимают бытийно-повествовательные конструкции-высказывания, содержащие автобиографическую информацию – факты из разных периодов жизни писателей, актуализируемые ими время от времени в развертывании повествования, имманентно преломлённые сквозь авторское представление рефлексирующей памяти Я-субъекта, поскольку субъект так или иначе всегда выступает в мемуарном произведении именно как рефлексирующая личность, которая не только излагает свои воспоминания, но и выражает собственное отношение к ним [2]. У Матусовского: *«Каждый раз, когда мне надо писать о 22 июня 1941 года, руки мои опускаются, и я часами сижу перед чистым листом бумаги, не решаясь начать первую фразу»* [4, с. 58]; *«Помню, приехал в июне 1942 года к нам в редакцию двадцатилетний летчик-истребитель с одним кубиком в петлице Борис Ковзан»* [Там же, с. 197]. У Симонова: *«В конце лета тридцать восьмого года я стал членом Союза*

писателей» [8, с. 178]; «Была такая усталость после войны, что даже не хотелось новых впечатлений, на которые я был очень жажден тогда» [Там же, с. 232]; «Я пишу в дневнике со слов танкистов, что к первому дню войны половина их танков была в ремонте» [7, с. 194].

Другой тип бытийно-повествовательных конструкций Я-субъектного характера в мемуарных текстах М. Матусовского и К. Симонова представляют высказывания, содержащие в своей структуре топонимы – экспликаторы категории пространства, формирующие общую направленность нарративной стратегии мемуаров на их автобиографизм, конкретный историзм и историческую достоверность. Бытийно-повествовательные конструкции с топонимами в своей структуре в мемуарах писателей нередко формируют «фронтной» микротекст – воспоминания о событиях Великой Отечественной войны, когда оба писателя были военными корреспондентами и по долгу профессии следовали за фронтными войсками, выступая очевидцами и во многом предельно искренними летописцами того времени. Топонимы в таких конструкциях раскрывают координаты пространственно-временного пребывания писателей в историческом измерении событий войны. У Матусовского: «Смоленск – первый горящий город, который я увидел собственными глазами» [4, с. 166]; «Когда фашистский автоматчик подстерег и подстрелил меня недалеко от Духовщины, мне удалось спасти записную книжку и трубку Антокольского» [Там же, с. 115]; «Так Рыбинск я буду помнить, каким узнал его зимой сорок третьего года, когда наш Северо-Западный фронт проходил там переформировку» [Там же, с. 286]; «Дальнейшее действие нашего рассказа переносится на Северо-Западный фронт. Летом 1942 года редактор фронтной газеты «За Родину» отрядил в служебную командировку в расположение 163-й дивизии двух корреспондентов – поэта Степана Щипачёва и меня» [Там же, с. 141]; «День Победы застал нас в Померании» [Там же, с. 115]. У Симонова: «Приехав в Могилёв и бродя по местам боев сорок первого года, я совершенно точно вспомнил, где что было» [7, с. 343]; «Это были Ярцево, Дорогобуж, Духовщина, Издешково, Сафоново – места, знакомые мне особенно по началу войны...» [8, с. 273].

Во «фронтном» микротексте мемуаров писателей субъективированное повествование от 1-го лица сменяет объективированное в конструкциях отвлечённо-бытийной семантики, в которых на первый план выносятся фиксации (в том числе и эмоционально-образная) событий, оставшихся в памяти военных корреспондентов. У Матусовского: «Фронтник, запомнивший Валдай с воронками у ворот, с зенитками, простуженно кашляющими по ночам, вернувшись сюда через несколько лет, совсем не узнаёт его» [4, с. 186 – 187]; «Такой дождь бывает только на Северо-Западном фронте: обложной, нудный, до конца твоей жизни» [Там же, с. 172]. У Симонова: «В глухом сыром лесу

циклопическое нагромождение взорванных и опрокинутых многометровых бетонных плит» [7, с. 69]; «...Наша газета работала в пустоту» [Там же, с. 115].

В группе бытийно-повествовательных конструкций-высказываний, образующих «фронтальной» микротекст в мемуарах писателей особое место занимают синтаксические единицы, обладающие аналитико-аксиологической семантикой, семантикой философских сентенций о явлении войны в жизни человека. Такие единицы раскрывают духовно-нравственные аспекты личностного мировоззрения писателей как свидетелей эпохи. У Матусовского: «На войне как бы снова проходит вся твоя жизнь, только коротко, сокращенно, за один месяц или даже один какой-нибудь день» [4, с. 168]; «Очевидно, человеческая воля действует и тогда, когда начинает сдавать сердце и изменять зрение» [Там же, с. 62]; «Полосы фронтальной газеты дают возможность почувствовать, чем жил фронт в то время» [Там же, с. 188]. У Симонова: «Бой в окружении – самый тяжелый бой» [7, с. 313]; «Как сильно война меняет людей» [Там же, с. 706]; «Героизм тех, кто стоял насмерть, вне сомнений» [Там же, с. 368]; «И многие причины, и многие следствия происходивших в годы войны событий были связаны с личностью Сталина, с характером его руководства войною» [8, с. 65].

В идейно-смысловом плане неотъемлемой оценочности мемуарного текста ещё одним типом бытийно-повествовательных конструкций, семантически близким к рассмотренным выше конструкциям, выступают высказывания со структурой Мы-повествования, когда писатели берут на себя ответственность говорить о явлениях эпохи от имени всего поколения, принадлежащего к этой эпохе. В контексте мемуаров М. Матусовского и К. Симонова лексема-прономинатив *мы* выполняет функцию маркера «предметного и идеологического концепта эпохи» [3, с. 89]. У Матусовского: «Такими мы и вошли в войну, ещё не понимая, что дата 22 июня останется для нашего поколения датой, от которой можно будет заново начинать всё летоисчисление, как когда-то люди условились вести отсчет новой истории от рождения Христа» [4, с. 112]; «Мы ошибаемся, когда думаем, что человек умирает только один раз» [Там же, с. 62]. У Симонова: «Мы были предвоенным поколением, мы знали, что нам предстоит война» [8, с. 190]; «Да, в 1941 году случилось и так, что мы бежали» [7, с. 190].

Выделенные структурно-семантические типы бытийно-нарративных конструкций-высказываний в языковом пространстве мемуарной прозы М. Матусовского и К. Симонова доказывают утвердившееся в современной лингвистике положение о том, что мемуарный текст обладает потенциалом концентрирования в своей повествовательной структуре фактов, лиц, событий, идей, которые составляют квинтэссенцию определённого исторического

времени, той или иной эпохи и наделяют мемуарный текст потенциалом средства культурной и межкультурной коммуникации, непреходящей актуальностью [9], что является перспективным для дальнейшего изучения всего литературного наследия данных писателей, выявления общих культурно-художественных парадигм их творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – М. : Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
2. Гилёва А. А. Метатекст как отражение рефлексии автора в мемуарной прозе [Электронный ресурс] / А. А. Гилёва // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2013. – № 2 (293) : Филология. Искусствоведение. – Вып. 74. – С. 76 – 80. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/metatekst-kak-otrazhenie-refleksii-avtora-v-memuarnoy-proze#ixzz3ihqONin2>
3. Костюхина М. Советское детство в дискурсе автобиографии / М. Костюхина // Іноземна філологія. – 2007. – Вип. 119. – С. 88 – 93.
4. Матусовский М. Семейный альбом / М. Матусовский. – М. : Сов. писатель, 1983. – 432 с.
5. Ньюбина Л. М. Мемуарный текст как многогранный когнитивный феномен [Электронный ресурс] / Л. М. Ньюбина. – Режим доступа : http://www.rusnauka.com/4_SND_2013/Philologia/3_128694.doc.htm
6. Симонов К. М. Не золотая середина / К. М. Симонов // Вопр. лит. – 1971. – № 6. – С. 83 – 85.
7. Симонов К. М. Разные дни войны : Дневник писателя. Т. 2. 1942 – 1945 годы / К. М. Симонов. – М. : Мол. гвардия, 1977. – 781 с.
8. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения : Размышления о И. В. Сталине / К. М. Симонов ; сост., предисл. и подгот. текста Л. Лазарева. – М. : Правда, 1990. – 427 с.
9. Сиротина И. Л. Культурологический потенциал мемуарного источника: поиски новой парадигмы [Электронный ресурс] / И. Л. Сиротина // Метафизика исповеди. Пространство и время исповедального слова: материалы международной конференции. – СПб. : Изд-во Института Человека РАН, 1997. – Режим доступа : <http://anthropology.ru/ru/texts/sirotina/index.html>.
10. Таймазова Л. Л. Память как одна из основополагающих мемуарной прозы [Электронный ресурс] / Л. Л. Таймазова // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 69. – С. 74 – 77. – Режим доступа : <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/10444/21-Taymazova.pdf?sequence=1>

УДК 82.09:130.123

*О. С. Леоненко,
м. Луганськ*

ЄДНІСТЬ ВИЯВУ ЖИТТЯ МИТЦЯ В ЛІТЕРАТУРІ ФЕНТЕЗІ ХХ СТОЛІТТЯ

Зміна культурних епох зумовлюється розвитком економіки, політики й засобів масової комунікації. Масова культура – це феномен сучасного

суспільства, який задовольняє потреби не лише в матеріальному, а й у духовному аспектах життя. У результаті культивування та тиражування однакової інформації стосовно духовних цінностей і соціальних вимог стереотипізується поведінка та світоглядні пріоритети сучасного суспільства. У зв'язку з цим виникає такий феномен, як масова культура. Сучасний рівень розвитку суспільства ілюструє спроби індивідуалізації та ствердження особистісного початку, що позначається стрімким розвитком фантастичної літератури. Допомогти віднайти справжню індивідуальність і покликана література фентезі.

На початку ХХІ століття філософська праця німецького вченого О. Шпенглера «Присмерк Європи» залишається такою ж актуальною, як і на початку ХХ. Роздуми вченого про долю людства стосуються й української культури. Сучасне суспільство вимагає вищого рівня освіти й культури, а для цього необхідним є і високий рівень масового засвоєння культури, і здатність особистості активно використовувати досягнення людства в культурній сфері. Художня спадщина на сучасному етапі має свої особливості засвоєння і трансформації. Простежується тенденція не лише до збереження її в первісному вигляді, а й до введення в сучасне життя. Культура, за О. Шпенглером, — це певна внутрішня єдність форм мислення, що виділяє епоху і навіть створює її як цілість; єдність стилістики, відображеної у формах економічного, політичного, духовного, релігійного, практичного й художнього життя. О. Шпенглер виділяє у розвитку культурно-історичного індивіда такі фази: мікросимволічну, ранню культуру, метафізично-релігійну високу культуру і пізню, закостенілу культуру, яка переходить у цивілізацію. Весь цикл триває приблизно тисячоліття. Цивілізація всюди має однакові ознаки. Вона є симптом і вираз відмирання цілого культурного світу як організму, затухання культури, що його оживляла і надихала, повернення культури в «небуття», етнічний хаос, який не породжує більше культурної індивідуальності. Ознаки таких симптомів філософ простежує у «фастівській» культурі Заходу, виділяючи з-поміж них передусім надлишок техніки, гіперурбанізацію, війни, підкорення людиною всієї природи. Усе це руйнівні фактори цивілізації, що ведуть до загибелі культури [3].

Постмодерна культура антропоморфна. Визначення, які людина дає власному досвіду, і визначення органічного, живого світу використовуються в постмодерній культурі стосовно форм культури в науці, мистецтві й економіці. Визнається перевага принципу антропоморфізму, самопізнання людини й пізнання духу над принципами і моделями технічного й неорганічного світу.

На нашу думку, саме з таких міркувань сучасні культурологи пророкують майбутнє за східною культурою, адже її характеристики більше відповідають антропоморфності культури постмодерну. Щодо сучасної культури, то внаслідок

традиційного переважання в ній антропоморфного елемента, а також елемента релігійного та метафізичного, вона має майбутнє.

Треба зауважити, що особливістю жанру фентезі є перш за все його інтенція реалізувати в образах і мотивах декларації філософів-постмодерністів (Г. Лейбніц, М. Гайдеггер, Ж. Дельоз) та атрибути класичних філософів (І. Кант, Е. Гуссерль, О. Шпенглер). Провідною виступає ідея, що людина на зламі епох виявилась нездатною подолати кризи життя, зокрема, глобальні, тому на зміну їй повинна прийти людина духовна, але сам образ людини ще тільки кристалізується. Обмірковування проблеми духовності є актуальним не лише у філософських працях, а й в літературі. Письменники все частіше звертаються до питань подальшого розвитку суспільства, і пріоритетними стають абсолютно нові типи детермінації цивілізації. Особлива увага приділяється не соціально-економічним і технологічним чинникам, а факторам людської самодетермінації. Свідомість, вільний вибір та соціально-культурні пріоритети стають не випадковим об'єктом дослідження представників сучасної літератури, адже саме вони постають вирішальними факторами людської самодетермінації.

У процесі гуманізації усіх сфер нашого життя зростає необхідність аналізу духовної царини суспільства, соціальних форм її існування, які знаходять втілення в духовних стосунках і духовній діяльності. І площиною втілення подібних інтенцій стає література фентезі, де досліджується взаємозв'язок суспільного життя та духовної діяльності. У сучасній українській літературі проблема духовності набуває дедалі більшої актуальності. Це пов'язано з загальним антропологічним поворотом, що відбувся в сучасному цивілізаційному світі, з прагненням подолати раціоналізм та ірраціоналізм у розумінні людини, з обміркуванням глобальної духовної кризи, що вразила людство наприкінці ХХ – початку ХХІ століття, та пошуків її подолання.

Основним мотивом сучасної літератури є ідея розумної людини, яка на зламі епох виявилась нездатною подолати кризу життя. І на зміну слабкій особистості, не здатній вирішити внутрішні суперечки, приходять людина духовна, образ якої тільки окреслюється в сучасній літературі фентезі. Тому проблема духовності стає основною як в літературі, так і філософії, зв'язок яких є незаперечним. «Духовність – спосіб розбудови особистості, це, – як образно пише Б. Кримський, – зустріч із самим собою – своєю душею, внутрішнім Я. Це – вихід до вищих ціннісних інстанцій формування, конструювання особистістю самої себе. Це – провідний фактор розумової гармонізації світу зовнішнього та внутрішнього, їх узгодження з моральними законами. Це – ціннісний зміст та спрямованість буття людини» [2, с. 507].

Духовний світ людини, а саме її почуття, духовні орієнтації та світогляд, які не можуть існувати поза духовним життям суспільства, стають предметом дослідження літератури фентезі, де визначальним фактом є обґрунтування не

просто «мікрокосмосу», а й «макрокосмосу», життя Природи як Всесвіту. Створення власного всесвіту є вихідним моментом. Твори в жанрі фентезі все частіше виступають квінтесенцією філософії екзистенціалізму, де визначальним у житті людини вважається усвідомлення внутрішньовільною людиною своєї сутності. Індивід є творцем власної долі та завдяки волі формує свою сутність. Індивід приречений на самовдосконалення, адже він відповідальний за себе та за своє існування.

Саме вольовими зусиллями людини проектується її сутність. Таким чином, соціум, тобто оточення героя, стає декорацією для його розвитку. Сучасні письменники відповідально ставляться до створення фентезійних світів, адже від якості їх творення залежить успіх всього твору. Як соціум для людини, що виступає головним чинником формування свідомості та діяльності особистості, так і штучно створений на сторінках роману фентезійний світ є своєрідною історією, де розгортаються надзвичайно складні та суперечливі події. Уявний світ має бути побудований за всіма канонами справжнього суспільства, а наявність незвичайних істот чи подій має сприйматися як природний атрибут вигаданого світу. Пріоритетним у вигаданому світі стає принципово новий тип детермінації цивілізації, а саме фактори людської самодетермінації, тобто свідомості та вільного вибору. Не дивно, що саме зараз актуалізується необхідність аналізу духовної складової цивілізації та форм її існування, які реалізуються в духовних стосунках та духовній діяльності, яка й вирішує долю особистості.

ЛІТЕРАТУРА

1. Пантин В. И. Вырождение или возрождение? Философское эссе о современной культуре и о творчестве Достоевского, Толкина, Ортеги-и-Гассета / В. И. Пантин. – М. : Культур. революция, 2006. – 304 с.
2. Філософія / за ред. М. І. Горлача, В. Г. Кременя, В. К. Рибалка. – Х. : Консул, 2000. – 672 с.
3. Шпенглер О. Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер ; пер. с нем. И. И. Михалькова. – М. : Айрис-пресс, 2003. – Т. 1. – 528 с.

ОСНОВНІ МЕДІА-ОСВІТНІ ПІДХОДИ В КОНТЕКСТІ ПРОБЛЕМИ ВИКОРИСТАННЯ СУЧАСНИХ ТЕХНОЛОГІЙ ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНИХ УМІНЬ МАЙБУТНІХ ФІЛОЛОГІВ

Існує кілька підходів в інтерпретації медіа, серед яких найвідомішими є семіотичний, культурологічний та практичний.

Семіотичний підхід полягає в тому, щоб навчити студентів „правильно читати” медіа-текст, який являє собою багатозначний знаковий комплекс (звідси й назва теорії). Учні в процесі медіа-освіти повинні навчитися розшифровувати (декодувати) текст (причому не лише медіа-інформацію, але й „будь-які тиражовані об’єкти”).

Головна мета культурологічного підходу: „допомогти студентам зрозуміти, як медіа можуть збагатити сприйняття, знання, уміння аудиторії”. Студентів треба ознайомлювати з ключовими поняттями, стереотипами, які поширюються за допомогою медіа, для вироблення вмінь критичного, самостійного аналізу медіа-текстів.

Так званий „практичний” підхід полягає в навчанні навичок використання медіа-засобів: студенти вивчають технічний прилад і правила використання медіа-апаратури. Разом з тим, як справедливо зауважують дослідники, „необхідно звернути увагу на той факт, що, крім технічного втілення (деталі, механізми тощо), медіа мають зміст, зокрема естетичний і художній”. Якщо недооцінювати зміст засобів масової комунікації, то їх сприйняття може обмежитися тільки як технічного засобу, ілюстративного матеріалу для заняття.

І. В. Челишева наголошує, що перераховані підходи не завжди наявні в практиці медіа-освіти в „чистому вигляді”, часто вони синтезуються, становлячи теоретичну основу для тієї чи тієї концепції медіа-освіти.

О. В. Федоров і його послідовники виділяють кілька підходів до використання засобів масової комунікації й інформації в освіті: „інтегрований підхід – через уже наявні навчальні предмети (літературу, образотворче мистецтво, історію, музику тощо) (Л. С. Зазнобіна, О. В. Спічкін, Е. Харт, К. Безелгет та ін.); факультативний підхід – створення мережі факультативів, гуртків, клубів, проведення заходів (О. А. Баранов, І. С. Левшина, В. А. Монастирський, Г. О. Поличко, Ю. М. Рабинович, Ю. М. Усов, О. В. Федоров, Л. М. Баженова); спеціальний підхід – введення нового предмета, спецкурсу, пов’язаного з медіа-культурою (С. М. Пензін, Г. О. Поличко, Ю. М. Усов, О. В. Федоров та ін.)”.

Дослідники відзначають, що медіа, інтегровані в традиційні предмети освітнього циклу, стають одним із засобів підвищення ефективності навчання, якщо задовольняють такі потреби: сприяють зростанню пізнавального інтересу; відповідають практичним потребам викладача й студента; є універсальними у використанні; їх застосовують з опорою на базову навчальну програму.

Ми цілком поділяємо думку Н. М. Духаніної про те, що „медіа-освіта навчає суспільство не стояти осторонь величезного потоку інформації, а впевнено користуватися ним, фільтрувати й вибирати все, що сприятиме всебічному розвитку індивіда”.

Слідом за Г. В. Онкович ми визнаємо важливість автономної професійної й масової медіаосвіти, але більше нас цікавить „можливість інтегрованої медіаосвіти, зокрема, на лінгвістичному матеріалі”. У зв'язку з тим, що медіазасоби забезпечують доступ до широких відомостей з різноманітних галузей людської діяльності, для нас найбільший інтерес становить їх використання з метою формування професійних умінь майбутніх учителів-філологів у процесі вивчення базових дисциплін, а саме: „здобування знань шляхом спостереження за фактами мови та шляхом їх аналізу”; „навичок і умінь роботи з навчальним матеріалом” (наданим медіа); „оволодіння правилами виконання завдань і самоконтролем на основі передової технології навчання”; включення матеріалів медіа до змісту занять (інтегрування їх у програму навчання); для самостійного пошуку інформації студентами в рамках роботи над проектом; використання отриманої інформації для виконання творчих завдань.

Проаналізувавши сказане, ґрунтуючись на дослідженнях у цій галузі, доходимо висновку, що використання в навчальному процесі медіа, інформаційних, комп'ютерних і телекомунікаційних технологій відкриває нові шляхи й дає широкі можливості для активізації творчих, практико-орієнтованих форм навчання, якісно впливає на збагачення професійно-педагогічної підготовки, наповнюючи її новим смислом, формами, методами та прийомами навчання. Зазначені технології мають широкий спектр можливостей: від знаходження інформації, її синтезу й аналізу із залученням комп'ютерних технологій, Інтернету, телебачення тощо до виконання тренувальних вправ, які сприяють формуванню основних професійних умінь майбутніх учителів-філологів.

ТЕМА МАЛОЙ РОДИНЫ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ XX СТ.

УДК 82-192:37.018.2

*А. А. Подтынная,
г. Луганск*

МИХАИЛ МАТУСОВСКИЙ: ШКОЛЬНИКИ ПОМНЯТ ЛЮБИМОГО ПОЭТА

В прошлом, 2015 году исполнилось 100 лет со дня рождения поэта-песенника, сценариста Михаила Львовича Матусовского – нашего земляка, прославившего Луганск на весь мир: его знаменитые «Подмосковные вечера» стали, без преувеличения, своеобразным символом русской культуры. Его творчество интересно и сейчас, поскольку посвящено вечным, общечеловеческим ценностям.

К сожалению, изучению творчества современных писателей уделяется не так много внимания, сколько они и их творчество заслуживают. Представляется, что знакомство с их произведениями может проходить без ущерба для обязательного компонента программы – в виде разнообразных форм внеурочной работы: литературных вечеров, заседаний литературных клубов и т. д.

В свое время с учащимися старших классов было довольно успешно проведено одно из таких мероприятий. Журнал «Русский язык и литература в школах Украины» опубликовал его сценарий – посвященную Михаилу Матусовскому виртуальную экскурсию. Несмотря на конкретность тематики, преамбула была посвящена истории нашего города и известным луганчанам – от Владимира Даля до Николая Упеника, и в том числе – летописцу Луганска, жившему и работавшему век назад фотографу Льву Матусовскому, отцу героя.

Поэт пронес благодарность и нежное отношение к своим родителям, своей семье через всю жизнь. Немалая часть его строк посвящена родным, но прежде всего – маме и супруге; последняя, кстати, стала невольной основательницей персональной экспозиции, посвященной Матусовскому: она передала его личные вещи в музей истории и культуры Луганска вскоре после того, как поэта не стало.

Первые стихотворные опыты Михаила относятся еще к школьной поре, и о них он позже отзывался с легкой иронией, хотя на момент первой публикации ему было всего двенадцать лет. Можно утверждать, что силы для ранних, не всегда удачных попыток написать настоящие стихи Миша черпал у своей учительницы языка и литературы – Марии Семеновны Тодоровой, которой он впоследствии посвятит своей нетленный «Школьный вальс»:

Ты юность наша вечная,

*Простая и сердечная
Учительница первая моя!*

Но с 1934 года он регулярно печатается в периодических изданиях Донбасса, а после знакомства с посетившими Луганск поэтами Евгением Долматовским и Ярославом Смеляковым и их решительного совета поступать в Литературный институт и заниматься творчеством профессионально – и в центральных газетах и журналах. Мало кто знает, что однокашником Матусовского по МИФЛИ был Константин Симонов, и еще меньше людей слышало о том, что под их общим авторством в 1939 году вышла книга стихов и прозы «Луганчане».

А потом была война, которую Михаил Матусовский прошел от ее первого дня, на который, между прочим, была назначена защита его диссертации, до последнего: Победу поэт встретил в немецкой Померании. Тема героических деяний советского народа красной нитью проходит сквозь творчество Матусовского, имевшего немало фронтовых наград, и многим знакомы его произведения тех лет: «Сестра», «Чириково – взять!», «По дороге на Познань» и многие другие, в том числе незаслуженно редко цитируемое:

*Вносится Знамя Победы.
К выносу знамени – встать!*

Это из таких искренних строк позднее выкристаллизуется бессмертное «На безымянной высоте». Вообще Матусовский был одаренным поэтом-песенником: на его стихи написано свыше ста мелодий, и многие из них известны и популярны не только в русскоязычном пространстве – чего стоят одни «Подмосковные вечера»! А ведь были еще распеваемые и ныне песни к кинофильмам, таким знаковым, например, как «Щит и меч» и «Дни Турбиных», и просто, как сказали бы сегодня, хиты – «Старый клен», «Московские окна», «Вологда»...

Михаил Львович Матусовский скончался в Москве 18 июля 1990 года, всего неделю не дожив до своего семидесятипятилетия. За свою «короткую долгую жизнь» он создал множество замечательных стихотворений, и в каждую строку он вложил часть собственной души:

*Я песне отдан всё сполна,
В ней жизнь моя, моя забота.
Ведь песня людям так нужна,
Как птице крылья для полёта!*

Но при этом он никогда не забывал, откуда он родом, где его корни:

*Мне по сердцу степные эти воды.
Бормочущие что-то по весне.
Важнее генетического кода
Донецкий код, таящийся во мне!*

Благодарные земляки немало сделали и делают для того, чтобы память о Поэте была яркой и непреходящей. Еще при жизни он стал Почетным гражданином города, в Луганске есть памятник Матусовскому, его именем названо высшее учебное заведение, но самое главное – в луганских школах каждый год проводится цикл литературно-художественных мероприятий под общим названием «Песня дольше, чем жизнь». Так что нынешние школьники знают, кто такой Михаил Матусовский!

Анастасия Резникова, ученица 8 класса:

С чего начинается Родина?

Не зря этот задан вопрос!

Под шумные века мелодии

Поэт потихонечку рос.

Взошла его здесь родословная –

Истоков не нужно искать:

Ведь все вечера подмосковные

Уходят в луганский закат!

И здесь же, у школы тринадцатой,

В которой учился Поэт,

Весенняя прелесть акации –

Душистый ее белый цвет

Наполнит волнующей страстностью

И «Вологду», и «Школьный вальс»...

А если не хватит вам ясности,

Еще он напишет для вас!

Весь сердце его растревожено,

Вгоняет поэзию в кровь...

И, хоть строки новые сложенны,

И песни рождаются вновь,

И каждую, словно признание,

Спешит вся страна напевать, –

Опять высоту безымянную

Стремится Поэт итурмовать!

Стучит старый клен в окна ветками,

И утро встает над Невой...

Меж песнями, звучными, меткими

Выходит Поэт, как живой.

И свет из окошка московского

Манит и не гаснет пока...

Мы все – земляки Матусовского,

И в каждом его есть строка!

О МИХАИЛЕ МАТУСОВСКОМ И АНДРЕЕ МЕДВЕДЕНКО: ДВА ПОЭТА – ОДНА ТЕМА

«Любовь к отеческим гробам» – эта цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Черновые наброски» (1830, опубл. 1855. – *Авт.*) стала крылатой. Но она наилучшим образом характеризует одну и, пожалуй, главную тему объединяющую творчество многих стихотворцев.

Будет правильным в качестве эпитафии к разговору о творчестве Матусовского и Медведенко, двух ярких поэтов нашего края и Донбасса, Украины и России взять не строку, а весь стих:

*Два чувства дивно близких нам,
В них обретает сердце пищу;
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

Гений поэзии сумел на все века, пусть иносказательно, передать суть патриотизма. Сказать о любви к родине, которая обычно проявляется в простой, естественной форме — как привязанность к родному дому, как верность памяти предков.

Без таких поэтических сток и прозаических суждений, искреннего почитания родителей и проявлений чувств, названных академиком Дмитрием Лихачевым, «нравственной оседлостью» не мыслима литература Донбасса и не только. В масштабной тематике произведений – это тема единит многих поэтов. Как заметил мудрец античности Лукиан из Самосаты: «Ведь и Солнце каждый человек увидел впервые на родине». Луганщину в последние годы называли не иначе как утро Украины – рассвет всегда приходит с Востока.

*Рассветный луч вдоль всей Лугани рано
Прошелся, как по узкому ножу.
Я ваш, я ваш, донецкие курганы,
Я безраздельно вам принадлежу.*

(«И снова дома...», сб. «Горечь», 1992)

Да, это строки Михаила Львовича Матусовского. Искренние. Выстраданные. Заветные. Это признание поэта в его преданности «малой родине». Сегодня стихотворение «И снова дома...» как бы замыкает цикл стихов и песен прямо или косвенно, рисующих широкий круг нашей нравственной оседлости. Если в нашей интернациональной семье дончаков и луганцев есть общие интересы, то надо хоть изредка рассматривать семейные альбомы, вчитываясь в «Семейный альбом» Михаила Матусовского... Где автор почти по-

пушкински –

*Картины, думы и рассказы
Для вас я вновь перемешал,
Смешное с важным сочетал...*

Достаточно вспомнить историю и строки песни «Вернулся я на Родину»: «И вот иду, как в юности, я улицей Заречную ...».

Старые люди хорошо помнят, как Леонид Утесов её душевно пел. Песня «Вернулся я на Родину» была написана в 1946 году. То было первое после войны посещение поэтом родного города.

Если можно так выразиться, после войны это был «хит». Написали его Матусовский (текст) и композитор Марк Фрадкин. Создавая песню, каждый из них вспоминал свою улицу Заречную: один в родном Ворошиловграде, а другой – в родном Витебске. Но песня бы так не звучала бы, не будь в ней душевных строк о матери.

*В своей домашней кофточке,
в косыночке горошками,
Седая, долгожданная,
меня встречает мать.*

Тогда ещё в Ворошиловграде, с почти затерянной могилы, со Староеврейского кладбища, что в Камброе, летом 1986 года, на городском кладбище «Острая могила» состоялось перезахоронение останков матери поэта-песенника М. Л. Матусовского. Об этом особо нигде не писали. За исключением упоминания этого факта в книге «М. Матусовский о жизни. И жизнь о нём» (Луганск, 2010).

Лаконично, буквально двумя предложениями данный факт уточняет известный литератор Андрей Ефимович Медведенко. Обычно, не вспоминают то, что неприятно вспоминать. Тема весьма деликатная, даже если прошло почти тридцать лет. Вопрос где-то на границе между обстоятельствами личной жизни и принципами публичности исторической личности. Вместе с тем, именно Медведенко был непосредственным участником и ныне является единственным свидетелем этого скорбного ритуала. И делал он это не только по поручению обкома партии, как секретарь парторганизации местных писателей, а из чисто человеческого сочувствия и понимания. Если же и возникают по этому поводу вопросы, то нет пока готового ответа, тем более однозначного.

Однако несколько слов о предыстории этого факта. Ситуация с необходимостью перезахоронения возникла не сразу. На сегодняшний день в подобном деле нет ничего необычного перезахоронены могилы солдат, известных творческих личностей, а также мощи святых. Что касается «Еврейского кладбища в Луганске», у Матусовского под таким заголовком есть стихотворение, где непривычно жёстко и обнажённо звучат обида и горечь за

поруганный погост, откуда «мраморные глыбы, мородеры поспешно растащили по домам», за могилу матери. И дело вовсе ни в антисемитизме. Когда по всей Украине шли погромы, а такое бывало ни раз, «ворошиловские соратники в обмен на финансовую щедрость защищали еврейскую буржуазию» города.

Луганск ни самый еврейский город Украины. Но, тем не менее, своя еврейская история у Луганска тоже есть. Знаменитый израильский скульптор Фейгин, фотограф-отец и поэт-сын Матусовские (у А. Медведенко есть трогательная историческая зарисовка в прозе об отце поэта. – *Авт.*), режиссер Зеликин и многие другие дали Луганску повод этим гордиться. После освобождения города в Великую Отечественную войну еврейская община стала во много крат меньше. Кладбище осталось без присмотра. Местные жители по-соседски, сперва, безнаказанно разобрали ограду погоста, а потом растащили по дворам и надгробия. В недалеком прошлом рабочий Луганск с его воинствующим атеизмом, без особого пиетета относился вообще к храмам и погостам (в Луганске насчитывалось более 10 культовых сооружений: Успенская церковь, Петропавловская, Николаевский собор, Преображенская церковь, Вознесенская, Троицкая, Казанская, 3 синагоги, костел и несколько молитвенных домов. К большому сожалению, почти все эти сооружения были разрушены в 30-е годы. – *Авт.*). Пример тому история Гусиновского кладбища превращенного в сквер, где место захоронения городского головы Холодилина и его семьи только-только обозначили памятным знаком.

Мать М. Матусовского – Эсфирь Михайловна Матусовская (в девичестве – Эсфирь Брукман; 1888 – 1953) была предана земле в Камброде, на старом еврейском кладбище, которое, как и некоторые другие, со временем было закрыто. После смерти матери Михаил Львович забрал отца к себе в Москву. Маму Михаил Львович очень любил. Поговаривают, что однажды Матусовский зарекся приезжать в родной город из-за того, что еврейское кладбище, на котором похоронили Эсфирь Михайловну, было фактически превращено в городскую свалку.

Матусовский написал гневное письмо в местный обком партии, (возможно, оно где-то и есть в архивах?) с требование привести кладбище в надлежащий вид и не глумиться над могилами. Но, тогда, очевидно, нашли иной выход: Матусовскому предложили... перезахоронить тело матери на новом кладбище. Ныне старое еврейское кладбище уже превратилось в пустырь, на котором пока что нет никаких строений.

Несколько проясняет эти обстоятельства очерк Павла Николаевича Евтеева «Это было недавно, это было давно...». Он был долгие годы редактором областной газеты «Ворошиловградская правда», дружил с поэтом – семьями. Евтеев пишет: «Каждый раз приезжая в Луганск, он (Матусовский. – *Авт.*) прежде всего отправлялся в Камброд, на еврейское кладбище, на могилу матери.

Возвращался обычно просветленный, успокоенный...» Но однажды Михаил Львович вернулся с кладбища, повествует редактор, в смятении, сильно расстроенным, рассказал об увиденном там безобразии... Когда это было, Евтеев конкретно не указывает. Однако, судя по воспоминаниям, это как раз была та ситуация в жизни, когда требуется либо привести в порядок все кладбище, либо – перезахоронение останков покойников. Писал ли тогда Матусовский жалобу по этому поводу в обком партии или годами позже неизвестно. Вскоре (вероятнее всего, 1978 г. – *Авт.*) в литературном жанре «Знамя» было опубликовано его стихотворение «Кладбище...», оно же потом под заголовком «Еврейское кладбище в Луганске» вошло в книгу Михаила Матусовского «Горечь» (1992).

Известно, цензура советского периода регулировала идеологическую направленность произведений, печатаемых на страницах любого издания. Литературный журнал «Знамя» нес в массы идеологию правящей власти. Надо полагать, что стихотворение с таким названием и содержанием, вряд ли могло быть напечатано, если бы не дружеские связи... Редактором журнала был известный писатель Вадим Кожевников.

Очень часто архитекторов, градостроителей и градоначальников раздражает наличие кладбищ в черте города. Но, стоит вспомнить известные кладбища Москвы и Питера, Киева и Львова... Они сама история. К тому же – по-своему поэтичны.

В последние годы жизни, уже тяжело болея, Михаил Львович Матусовский со словами – «Поверьте, мне сей час видней из интенсивной терапии...» (Читай стих. «То коридоров переход...». – *Авт.*), часто обращался к вопросам «круга нравственной оседлости».

Безусловно, восприятие окружающего, мироощущение поэта подобно барометру зависят от многого...

Да, то «многое» – ускользает, уходит от нас, если ещё и не ушло... Что не сделают умные, сделает время... Луганчанам же более помниться 1975 год, когда поэт приезжал на встречу с одноклассникам.

Меж тем обозначенная выше фраза – «каждый раз», обязывает исследователей установить хронологию посещений, дни и цели пребывания выдающегося земляка в родном крае.

Вместе с тем летом 1986 года осуществлять скорбное дело приехала – только Евгения Акимовна – жена Матусовского (в девичестве Геккер), которая посвятила мужу всю жизнь (даже в годы войны умудрилась быть с ним рядом) и постоянно опекала его по жизни.

В 1979 году в 32-летнем возрасте внезапно умерла от рака лёгких их старшая дочь Лена. Матусовский тяжело перенёс потерю дочери. В последнее время он жил под Москвой в Красной Пахре. Избегал поездок. Очевидно, щадя

мужа, она и на этот раз взяла на себя все хлопоты.

Процесс перезахоронения обычно производится ритуальными службами. Они же собирают необходимые справки и разрешения, подбирают похоронную атрибутику и др. Так было и тогда. Взяла это на себя городская коммунальная служба. Останки покойной переместили в другой гроб (Андрея Ефимовича поразило в тот момент наличие, сохранившийся рядом с черепом покойной абсолютно целый не тронутый тленом белый платок) и перевезли на иное кладбище к другой могиле. Поразило самообладание супруги поэта, которая, глядя на останки, изредка поплакивала и проговаривала, что тоже, наверное, случилось с телом её покойной дочери Елены. Над могилой установили обычный деревянный крест и эмалированную табличку с именем покойной. Все особенности проведения процедуры должны были быть отмечены в тетрадке начальника кладбища. То есть по записям можно было бы узнать, когда и где перезахоронена. Перезахоронение могилы производилось на средства инициатора (?!). К сожалению, помня тот день в некоторых подробностях, Андрей Ефимович запомнил дату, когда предали земле вновь прах Эсфирь Михайловны Матусовской. Осталась неизвестной и фамилия той женщины, которая зная семью Матусовских, помогала в том деле Евгении Акимовне. По дороге с кладбища к ним (троице) присоединилась Светлана Алексеевна Шикина, инструктор отдела культуры обкома партии. Многие, кстати, сделавшая в то время в деле поддержки творческой интеллигенции. Вчетвером они помянули покойную, в ресторане при гостинице «Октябрь» (ныне Украина), где остановилась Е. А. Матусовская.

В конце 1986 г. А. Медведенко получил из Москвы бандероль с книгой «Семейный альбом» лично от автора с автографом: «Андрею Ефимовичу Медведенко за внимательность и сердечность, которая всегда отличала луганчан. Михаил Матусовский. Декабрь, 86. Москва».

А через некоторое время, 26 декабря т. г., на домашний адрес Медведенко пришло от Матусовского письмо, в котором он ещё раз поблагодарил Андрея Ефимовича за оказанную помощь. Дословно: «Пользуюсь случаем поблагодарить Вас за внимательное отношение к моей жене, которая, шадя меня, приняла на себя такую трудную и печальную миссию. Вы все вместе сделали, что могли, чтобы все было проведено точно, чётко, достойно. Передайте мой привет Довнару, Титову, Бугоркову и всем, кто помнит меня. Всего доброго. Мих. Матусовский. Декабрь 86. Москва».

В сущности, данное письмо М. Матусовского является откликом (внешней рецензией. – *Авт.*) на книгу А. Медведенко «Живая крепь», которую Евгенией Акимовной он передал в качестве знака внимания к мэтру и земляку.

Михаил Львович с вниманием отнесся к сборнику, где взамен ранее предложенной к публикации поэмы о шахтерах-проходчиках «Живая крепь»

(запретила цензура. – *Авт.*) была другая – «Сказ о Булавинском бунте». Она-то особо и заинтересовала Матусовского. Известно, что он был неравнодушен к истории края и фольклору.

Почитатели творчества Медведенко знакомы лишь с извлечением начала этого письма, без ссылок и указания даты. Приводим цитату:

...Больше всего мне пришёлся по душе «Сказ о Булавинском бунте». Он нескованный, непричёсанный, неприглаженный. Дыхание в нём свободное. Здесь рядом и частушка, и причитание, и диалог героев. Да и само войско Булавина написано широко, былинно:

«А в небе войском тучи залегли.
Последний лист скрушиною прощается.
Улетают к югу журавли,
да не все обратно возвращаются»,
а рядом совсем простая народная попевочка:
«Жива ещё веточка, да ягодки склёваны.
Видят очи волюшку, да крылышки скованы».

Интересно и поэтично рассказываете Вы о возникновении селения в этих краях. Чувствуется, что Вы любите героя и писали поэму с увлечением, а это ведь очень важно.

Именно так вышеприведенный текст передает незримую атмосферу внимания человека, заинтересованно читавшего поэму. Далее в письме шли замечания и пожелания. Но это, пожалуй, уже тема для другого разговора. Разумеется, с согласия на то самого Медведенко, ибо есть некоторое «но»... не со всеми замечаниями он был согласен. Поэт он самобытный, живет с ощущением внутренней правоты и поиска справедливости. Тогда же Медведенко незамедлительно откликнулся письмом, поблагодарив Михаила Львовича за внимание и пожелания, за бесценный подарок – авторский экземпляр его книги.

Прошли годы. Умиротворен погост. Спокоен и поэт: «Спит под Луганском в донецкой могиле / Мама, еврейская мама моя». Однако могила его матери опять оказалась забытой и брошенной. Тревогу забила Лариса Аркадьевна Класс, известный в городе библиофил и букинист, могила отца которой находится почти рядом – на том же кладбище. Позвонив ректору академии имени М. Матусовского, она сообщила о необходимости привести захоронение в порядок. Тогда, по звонку, студенты подняли оградку, поправили надгробный памятник и саму могилку. Однако вопрос о содержании захоронения пока остается открытым. Кому заниматься этим? Еврейской

общине при городской синагоге, коллективу академии или руководству кладбища? Правильно было бы делать это в День матери – Mother's Day. *(Во многих странах мира отмечают День матери 13 мая. В Украине этот день отмечается во второе воскресенье мая. – Авт.)*

Евгения Акимовна Матусовская умерла летом 2015 года на чужбине, в Санта-Монике, США.

Остается общественная проблема присмотра на кладбищах за могилами знаковых известных при жизни людей. Уход за могилами – тоже память, И память нужна не мёртвым, память нужная живым. На кладбище по улице Оборонной есть могилы отца К. Е. Ворошилова и Героя Советского Союза Михаила Конкина, который родом из Бердянска, но умер в Луганске 15 мая 1960 г. от ранений, полученных в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Но их состояние?!.

Думается, чтобы совесть не очерствела, надо чаще обращаться к поэзии. Такой, как стихи Матусовского – «Ордена», «Ветеранские пайки» и Медвеленко – «Баллада о солдатской могиле», «Осколок» (монолог ветерана Великой Отечественной). Уход за могилами – тоже память, нужна она не мёртвым, а живым.

Когда я случайно поделился своим намерением написать материал о двух известных поэтах Луганщины – Михаиле Матусовском и Андрее Медведенко, то мне мягко подсказали, что писать о них одновременно некорректно... Уж очень они разные... Не тот ранжир. Да, есть ещё «литературная иерархия». Читть надо.

Не секрет, что связь возрастных категорий с социальным статусом была и сохраняется до нашего времени, умаление возрастного статуса человека, обращение к нему как к младшему, например, «молод ещё» и т. п., нередко содержит в себе оттенок к оценке творчества и порывов вдохновения, личности в целом, что иначе как снобизмом это не назовешь.

Однако есть необыкновенная истина, подаренная миру римлянами: *Poeta nascuntur* (поэтами рождаются). Стихи – это жизнь, которая отзывается в поэте своеобразно, по-своему. Темой художественного произведения, будь то стихотворение, поэма или баллада, может быть круг событий и отдельный факт, явления и чувства автора. Во всей этой системе самых разных тем всегда есть какая-нибудь главнейшая, которая, став основой авторского творчества, отразилась в произведениях и оставила свой неповторимый отпечаток. Тема Родины и любви к матери в произведениях Матусовского и Медведенко давно проложили нам путь доброты.

Безусловно, тема матери – одна из самых трогательных, потому что каждый из нас с детства и до последних своих дней несет в душе единственный и неповторимый образ – образ своей мамы, которая все поймет, простит, всегда пожалеет и будет беззаветно любить несмотря ни на что.

Счастье и красота материнства во все века воспевались лучшими художниками и поэтами. И неслучайно: по тому, насколько почитаема в государстве женщина, воспитывающая детей, можно определить степень культуры и благополучия общества.

Матусовский всегда по-сыновни, трепетно обращался к этой теме. Вот несколько таких строк:

*Как ухитрялась оказывать милость
Тем, что спасённый заметить не мог.
Как не жалея вещами делилась
С теми, кто наш переступал порог.*

(«Как кочергой она в печи гремела...», сб. «Горечь», 1992)

И в унисон сыновним чувствам стихотворение Медведенко «Мамина слива» –

*От посаженной мамой сливы
с каждым годом все больше тепла.*

*...Пусть грозой её губы разбиты,
Мамы голос из кроны, как ком:
«А, сынок, если вздумаешь мстить ты,
Мсти, пожалуйста, только добром».*

(Сб. «Сок молочая», 2000)

В том же сборнике есть стихотворение «Письмо» о том, как поэт «в толще книг нашел письмо от мамы, присланное тридцать лет назад». Нет, это не перифраз с есенинских строф. Оно совсем другое – это молитва о матери и мольба, обращенная к ней: «Мама! Мама! В жути цепенею...»

Заявленная статья не претендует на подобную полноту исследования. Цель статьи в нескольких эпизодах, насколько возможно, рассказать о малоизвестных частностях жизни поэтов-земляков М. Л. Матусовского и А. Е. Медведенко. Попытаться найти какую-то закономерность в колебаниях их творческого самочувствия; увидеть, как люди, посвятившие жизнь поэзии, «различны при всех сходствах и как сходны при всех различиях».

О своеобразии поэзии и творчества Михаила Матусовского сказано и написано много. Фронтвик. Человек трех поколений. Тематический диапазон его поэзии очень широк – он включает в себя патриотическую лирику, посвященную родной земле, любимому городу – Луганску и, безусловно, к столице – Москве («Московские окна», «Московские огни», «Московская полька», «По московскому времени», «Улицы Москвы» и др.). Успех песен Матусовского связан именно с тем, что ему была присуща редкая способность «соответствовать» музыке. Он классик, который как никто другой знал секрет создания строки и тайну рождения её мелодичности.

Есть мнение, что имя поэту делает критика. Нет, имя себе поэт создает сам, а критика – лишь моду на него. И «хороша» она тогда, когда ко времени, не запоздалая.

Отношение критики к Матусовскому было неоднозначно – в ряде его текстов усматривали однообразие художественных решений, изобилие «перечислений признаков», злоупотребление анафорами и рефренами (за это критиковали даже одну из лучших песен Матусовского «С чего начинается Родина», «Балладу о солдате», «Ленинградский метроном», «Летите, голуби!» и др.). Было, что Матусовского называли «поэтом рассветов и закатов». Между тем, достаточно взять песню «На безымянной высоте», где есть строки: «Дымилась роща под горою и вместе с ней горел **закат...**» – чтоб убедиться насколько мелки были эти наговоры. Но в целом поэзии Матусовского присущи мужественная простота и задушевность.

Популярность же к М. Матусовскому пришла в начале 60-х после появления «Подмосковных вечеров» и «Школьного вальса». Песни отличали особая доверительная интонация поэзии, находившая отклик в сердцах людей.

Нечто подобное присуще и поэзии Андрея Медведенко. Его лирике, а более, именно симфоническому звучанию языка его поэм (классических литературных приемов и народного фольклора). Например, в исторических поэмах как «Сказ о Булавинском бунте», «Боярыня Морозова». «Князь Игорь» и др. Организованный, органический язык здесь – не только дверь в историю, но и сама история.

Есть у Андрея Медведенко стихотворение и о «луганском свете московских окон», посвященное Михаилу Матусовскому:

*Дорога. Улица родная.
И хаты, полные хлопот.
Всё так же, буйно расцветая,
пьянит акацией Камброд.*

(Сб. «Хмель осенней лазури», 2012)

Признание таланта А. Медведенко состоялось в 70-е минувшего века, когда он буквально из шахты ворвался в поэтику горняцкого труда и там остается поныне. В 1977 году вышла его первая книга «Уголь и вишни». До этого никто не сравнивал уголь с вишней. В этом увидели свежую символическую метафору – вот она работа и лирика! Ныне Медведенко литератор с широким кругозором. Автор прозы и поэм, обладающий, можно сказать, симфоническим мышлением. У которого зрелый взгляд на жизнь сложился уже в молодые годы:

*Из окна рудничной старой хаты
Глубже виден мир, чем из дворца.*

(«Поезда полынной степью мчатся»,

Сб. «Ожерелье из счастливых слез», 1997)

Андрей Медведенко, сумев сохранить свои «светлые заповедники трудного детства», умеет писать просто – о сложном.

Отец мой странным человеком был.

Пришёл с войны, весь - раны огневые.

Награды боевые не хранил,

а только трудовые.

(«Глаза отца», 15.04 2007.)

Согласитесь, каждый кто гордится отцом и матерью, очевидно, знает истинный смысл любви к отчизне, ибо «нет слов ближе и дороже, чем слово «отчизна», как нет для нас ничего дороже отца». (Лукиан. – *Авт.*), Так нашему сердцу подсказывает и поэзия.

Сегодня, как на рынке – поэты на выбор. И более, чем справедливо, что «Литературная газета» – главная газета писателей России опубликовала (1 марта 2016 г. – *Авт.*) подборку десятка разноплановых стихов А. Медведенко с общим заголовком «Пророк всё равно возвратится».

Дополняют их прозаические строки «Медвянный запах белых акаций» (своеобразное посвящение Медведенко творчеству Матусовского. – *Авт.*), где есть слова: «Да, люди сами несут в себе пророчество, и путь к нему отражается в их лицах. Шаги. Шаги, Шаги, Лица. Лица, Лица. Задумчивые и грустные, знакомые и незнакомые, целеустремленные и не очень, белые и смуглые, утром и вечером». (Луганщина. – 2007. – № 3. – *Авт.*). Написаны эти, скажем, пророческие строки около девяти лет назад. В то же время всё сказано так, словно это репортаж о Марше «Бессмертного полка – 2016».

Одной статьёй невозможно сказать обо всем, что являет собой творчество двух самобытных литераторов и что отличает и характеризует их поэзию. Можно проследить жизнь человека-стихотворца, постараться перечислить все темы их стихов, поэм и песен. Но будет правильным вновь попытаться почувствовать и сказать о том, что объединяет нас читателей с лирой поэтов-земляков. Ведь поэзия и есть испытанный временем патриотизм.

**ЛИТЕРАТУРНО-ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ КНИГА
М. МАТУСОВСКОГО И К. СИМОНОВА «ЛУГАНЧАНЕ»**

Михаил Матусовский и Константин Симонов являются авторами литературно-документальной книги «Луганчане», увидевшей свет в 1939 году в Москве. История создания этой книги, особенности её структуры по сей день остаются малоизученными литературоведами.

Знакомство Симонова и Матусовского состоялось в 1935 году, когда они стали сокурсниками Вечернего рабочего литературного университета (сейчас – Литературный институт им. А. М. Горького). Их сближал и возраст (одногодки, Матусовский старше Симонова на несколько месяцев), и уже пройденный жизненный и трудовой путь. Оба приехали в Москву из провинции и страстно грезили литературой.

В своих воспоминаниях о К. Симонове Михаил Матусовский пишет: «У юности Симонова есть точный адрес: Москва, Тверской бульвар, 25, Литинститут им. М. Горького» [1, с. 33]. Тогда же начинается их плодотворное литературное сотрудничество. Об этом свидетельствует в своих мемуарных записях М. Л. Матусовский: «...Костя предложил писать вместе с ним цикл юмористических стихотворений для журнала «Крокодил». Публиковали мы эти стихи под псевдонимом. Так что, если любопытствующему читателю, листающему комплекты старого «Крокодила» за тридцатые годы, попадутся вдруг стихи, подписанные неким Овидием Нарзаном, знайте, что строки эти написаны Константином Симоновым и мною. Нас даже иногда в институте в шутку называли «литературный комбайн с прицепом». Прицепом, конечно, был я» [Там же, с. 35].

В 1937 году в Советском Союзе широкомасштабно отмечалось столетие со дня смерти А. С. Пушкина. Накануне войны в Донбассе мне удалось разыскать редкую книгу, увидевшую свет в том году [4]. Государственным издательством «Художественная литература» был подготовлен и издан сборник «Пушкину» – стихотворения молодых поэтов, посвятивших свои строки гению русской литературы. Редактором сборника стал Павел Антокольский. Среди авторов сборника – студенты Литинститута, в том числе и М. Матусовский и К. Симонов. Это одна из первых московских публикаций Матусовского и для нас, его земляков, она особенно интересна. Об этом мною уже сообщалось в публикациях 2014 года [5; 6].

В 1937 году Михаил Матусовский и Константин Симонов во время летних каникул совершают поездку в Луганск. К сожалению, пока ещё не найдены

достоверные архивные материалы об этой поездке. Однако утверждение некоторых исследователей [3] о том, что Симонов и Матусовский совершили поездку в 1938 г. не соответствует действительности – сами авторы в книге «Луганчане» свидетельствуют о другой дате написания.

Можно предположить, что ещё до поездки у молодых писателей возникли замыслы написать литературные произведения о гражданской войне на юге России. Симонов решает ехать на юг по ещё одной причине. В этом году им овладевает военная романтика. Война предстаёт перед поэтом как всеочищающее горнило, раскрывающее в человеке истинную суть. Симонов заражается романтикой гражданской войны в Испании, где гибнут не только испанцы, но и многие русские добровольцы.

В 1937 году Константин Симонов создаёт самое известное из своих ранних стихотворений – «Генерал», посвящённое памяти героя гражданской войны в Испании Мате Залки. В «Генерале» мы находим те же романтические образы борца и волевого человека, что предстают в стихотворении «Путник» из сборника памяти Пушкина. Здесь такая же походная обстановка, но «Генерал» Симонова решительно отличается от «пушкинских» стихотворений отсутствием пессимизма и трагизма. Судьба Пушкина – судьба великого русского поэта, она трагична и ноты скорби, фатальности уместны. Мате Залка – прежде всего воин, солдат, сражающийся за высокие идеалы. Симонов убрал даже намёки на скорбь, героическое в стихотворении звучит одним полнозвучным аккордом:

На юге России Симонов искал следы героики гражданской войны, несколько лет громыхавшей на бесконечных степных просторах Донского края, Кубани, Новороссии, Донбасса. Можно предположить, что стремлению Симонова на юг немало поспособствовал его друг, луганчанин Михаил Матусовский, рассказавший о героических боях под Луганском в 1919 году. Мне думается, что Симонов ехал на юг в поисках «своей Испании», своей войны. Все краски большого южного города не затмили интерес Константина Симонова к военной теме. А Луганск дал ему необыкновенно обильную пищу. Грёзы о далёкой Испании, в которой сражаются почти античные герои, сходные с Мате Залка, сменились пристальным интересом к истории гражданской войны на юге России, в которой Луганск занимал не меньшее место, чем Уэска в Испании.

Интерес к событиям гражданской войны на юге России находил пищу в виде встреч с живыми участниками событий почти двадцатилетней давности. Симонов и Матусовский обходили окрестности Луганска, в которых разворачивалась оборона Луганска от белоказаков. Воспоминания участников походов Ворошилова и Пархоменко, обращение к архивам дали значительный материал, который просился воплотиться в литературное произведение. Сейчас сложно установить наверняка, кто стал инициатором создания книги стихов и прозы «Луганчане», но, зная необыкновенную энергичность Симонова, а также

учитывая его интерес к военной теме, можно предположить, что написать книгу о гражданской войне в Луганске предложил именно он.

Сейчас литературно-документальная книга «Луганчане» является букинистической редкостью. Я ознакомился с книгой в музее истории г. Луганска. Книга стихов и прозы «Луганчане» увидела свет в издательстве «Советский писатель» в 1939 году. В предисловии к книге соавторы написали: «Работая в архивах Ворошиловграда (бывш. Луганск), мы столкнулись с целым рядом интереснейших документов. Воспоминания луганчан – участников гражданской войны – послужили нам канвой для всех двенадцати новелл этой повести. Степень близости написанного к подлинным воспоминаниям различна. Иногда мы только брали за основу какое-либо действительное событие, иногда позволяли себе вставлять в новеллы целые фразы и даже куски архивных текстов. В тех и других случаях мы одинаково старались сохранить общий дух записок и воспоминаний о гражданской войне, со всеми их языковыми и стилистическими особенностями; этим и объясняется, между прочим, то, что везде повествование ведётся от первых лиц...» [2, с. 5] Книга разделяется на прозаическую часть, имеющую подзаголовок «Луганская повесть» и стихотворный раздел.

События книги «Луганчане» охватывают не только Луганск, но и другие регионы юга России – Донбасс, Дон, Новороссию. Авторы максимально приближают язык повествования новелл то к разговорной речи, то к фольклорным произведениям. Так, к примеру, «Рассказ командира бронепоезда Игнатова» выглядит как стенографическая запись, полностью копирующая все особенности речи персонажа: «Показывая луганским бойцам на мародёров, я говорю:

– Это мародёры. Сейчас они сами расскажут, в чём с ними дело.

Но, едва успев их представить, я вижу, как комвзвода Костя Литвак вынимает наган и готовится сразу стрелять в мародёров. Я говорю на это Косте Литваку, что если в них стрелять, то для этого у меня есть свой наган, но в них не нужно стрелять, товарищ командарм (К. Е. Ворошилов. – *А. Ч.*) не велел в них стрелять. Лучше пусть они расскажут бойцам про свои приключения.

Я обращаюсь к мародёру-луганчанину и говорю:

– Тут все свои, луганчане, вы не стесняйтесь, расскажите им, что вы сделали.

Я обращаюсь к нему на «вы», потому что мне противно разговаривать с ним на «ты». Он чего-то мямлит опять про бельё, но быстро понимает, что не так оправдываются перед луганчанами.

– Извините, – кричит он, – извините меня, что я опозорил город Луганск и всех товарищей, которые вместе родились, где и я.

Глаза у него начинают наливать слезами, я вижу, что он сейчас может грохнуться на колени перед своими земляками» [2, с. 20 – 21].

Здесь стиль изложения напоминает стиль юмористических рассказов М. Зощенко. И совершенно иначе, героически-возвышенно написана «Дума про Пархоменко»: «Вербя выросла там, где он родился. Яблоня выросла там, где он погиб. Дуб вырос над его могилой» [Там же, с. 30].

В сборник включены 8 стихотворений и поэма «Четыре песни о славном городе Луганске». Некоторые из этих стихотворений («Дуда», «Случай с фотографом») Михаил Матусовский включал впоследствии в свои авторские сборники стихотворений. Другие стихотворения, скорее всего, написаны совместно. Авторы книги «Луганчане» датировали в книге срок её создания – январь-сентябрь 1937 года, местами написания указаны Ворошиловград и Москва. Дата, возможно, говорит о том, что книга о революционных событиях в Луганске была задумана Симоновым и Матусовским ещё до поездки друзей в Луганск.

В целом, книгу «Луганчане» Михаила Матусовского и Константина Симонова можно охарактеризовать как литературно-документальную.

Книга К. Симонова и М. Матусовского «Луганчане» оказалась забытой, к ней практически не возвращались авторы, порою даже не упоминая её в своих библиографиях. Тому несколько причин. Первая из них – книга воспекает подвиги «красного маршала» Ворошилова, который себя дискредитировал как военачальник буквально через два года после издания книги, когда началась Великая Отечественная война. И на параде 7 ноября 1941 года уже не будет Ворошилов принимать парад войск, отправляющихся сразу на фронт. И эти строки в книге «Луганчане» потеряют свой изначальный смысл:

*По Красной площади проскачет
На белой лошади земляк [Там же, с. 74].*

Вторая причина – литературный успех новых книг К. Симонова и М. Матусовского значительно перекроет успех «Луганчан».

ЛИТЕРАТУРА

1. Матусовский М. Как кончалась юность / М. Матусовский // Константин Симонов в воспоминаниях современников / сост. : Л. А. Жадова, С. Г. Караганова, Е. А. Кацева. – М. : Сов. писатель, 1984. – С. 33 – 39.
2. Матусовский М. Луганчане : Книга стихов и прозы / М. Матусовский, К. Симонов. – М. : Сов. писатель, 1939. – 120 с.
3. Приколота О. В кабинете поэта / О. Приколота // М. Матусовский о жизни. И жизнь о нём : сб. / под общ. ред. О. В. Приколоты. – Луганск : Максим, 2010. – С. 339 – 347.
4. Пушкину : стихи / под ред. П. Антокольского. – М. : Худож. лит., 1937. – 112 с.
5. Чернов А. У «Луганчан» – юбилей / А. Чернов // Наша газ. – 2014. – 11 июня. – № 80. – С. 5.
6. Чернов А. Чем труднее путь, тем дороже попутчик / А. Чернов // Общеписательская литературная газета. – 2014. – № 11. – С. 11.

**СОТРУДНИЧЕСТВО МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО
С КОМПОЗИТОРАМИ-ПЕСЕННИКАМИ**

*Выбегаю из подъезда, и посреди
улицы без всякого предупреждения на
меня обрушивается лавина духового
оркестра. Эта музыка имеет надо
мною власть безраздельную и
неограниченную. Я иду за ней, всецело
повинуясь ее приказанию.*

М. Матусовский

Михаил Матусовский вошел в советскую литературу как поэт-песенник. Песни на стихи М. Матусовского стали летописью целой эпохи. «Песня – самый дорогой для меня жанр, который почему-то принято относить к жанрам малым или легким, но без которого невозможно представить человеческую жизнь. Будь на то моя воля, я писал бы слово «песня» с большой буквы», – писал Михаил Матусовский [3, с. 13].

Список песен, созданных на стихи Михаила Матусовского огромен. Их более трехсот. Он работал с такими выдающимися композиторами, как Исаак Дунаевский, Василий Соловьев-Седой, Тихон Хренников, Вениамин Блантер, Михаил Фрадкин, Никита Богословский, Александр Островский, Александра Пахмутова и многими другими. Наибольшее количество песен он создал совместно с Вениамином Баснером [2, с. 10].

Исполнителями песен Матусовского были: Марк Бернес, Владимир Бунчиков, Владимир Маркин, Андрей Миронов, «Песняры», Владимир Трошин, Леонид Утёсов, Дмитрий Хворостовский, Эдуард Хиль.

Первой своей песней, получившей некоторую известность у слушателей, да и сегодня иногда звучащей по радио, Матусовский считал написанную в содружестве с композитором Марком Фрадкиным – «Вернулся я на родину». Она была сложена сразу же после войны, авторам хотелось передать в ней настроение сверстника, вынесшего все испытания и тяготы, выжившего всем смертям назло и возвращающегося, наконец, в милые заветные края. Композитор, когда писал музыку, видел свой город, а поэт представлял себе Ворошиловград, улицу Заречную и свою маму «в простой домашней кофточке, в косыночке горошками». Так уж вышло, что первая песня Матусовского тоже

связана с родным городом. «Я был счастлив и горд, когда ее начал петь Леонид Утесов. Он, как никто другой, сумел понять характер и настроение песни. После него я поверил в силы и возможности песни», – писал Михаил Матусовский [1, с. 1].

«Пусть же теперь в это повествование войдет Исаак Осипович Дунаевский таким, каким я знал и любил его, – писал Михаил Матусовский, – Вот он склонился над роялем, рассаживая по нотным линейкам палочки с хвостиками – острым, безупречно отточенным карандашом, каким написаны все его клавиры. От распахнутого рояля веет холодом, но черно-белые костяшки холодны, пока к ним не прикоснулись пальцы музыканта. Я помещаюсь рядом, по правую руку от него, и слежу за тем, как у меня на глазах происходит чудо рождения песни» [3, с. 114].

Лирическим гимном мира стала песня «Летите, голуби!», впервые прозвучавшая в 1950 году в этом фильме. «Отсчет этой музыки, – говорил Дунаевский, – идет от войны». Вообще большую положительную роль сыграло содружество поэта с композитором И. Дунаевским. В доброй, уютной, несколько наивной картине режиссера В. Тимошенко «Запасной игрок» 1953 года много превосходных, запоминающихся песен, в том числе «Марш футболистов», «Песенка пожилых людей». Творческий дуэт Дунаевского и Матусовского участвовал в создании фильма «Веселые звезды» режиссера Строева с песнями «Звезды», «Молчание», «Утренняя песня», «С песней по жизни»; научно-популярного фильма «Крылатая защита», песни – «Марш юннатов» и «Скворцы прилетели». В 1954 году на экраны вышел фильм И. Пырьева «Испытание верности», кинодрама о непростых человеческих судьбах, о любви и разлуке, измене и преданности. Большую популярность сразу же приобрели песни «Не забывай», «Поручение» и «Пишите нам, подруги». Мелодия Дунаевского легко сочеталась с прекрасными стихами Матусовского [Там же, с. 307].

М. Матусовский начал свое сотрудничество с композитором Василием Соловьёвым-Седым с работы над песней «Подмосковные вечера», которая была написана в 1955 году для документального фильма «Спартакиада народов РСФСР». Исполнителем был артист Художественного театра Владимир Трошин. После исполнения песни по радио она становится всенародно известной и любимой. Также авторами были написаны песни «Баллада о солдате» и «Солдат – всегда солдат».

Сотрудничество с Владимиром Шаинским началось с песни к мультипликационному фильму для детей «Что тебе снится, крейсер „Аврора“?». Сначала Матусовский написал совсем другие стихи, однако авторы отложили их в сторону. Было сделано много вариантов, набросков, эскизов. Им хотелось написать неторопливую, негромкую, задумчивую песню о старом корабле, дремлющем на водах в притихшем до рассвета городе.

Также совместно были написаны песни «Вместе весело шагать», «Ну почему ко мне ты равнодушна» и «Позывные».

В 1961 году выходит фильм «Девчата» режиссера Ю. Чулюкина, принесший известность и всенародную любовь всем создателям фильма. Две чудесные песни композитора А. Пахмутовой проходят по этому фильму – «Хорошие девчата» и «Старый клен», они отлично дополняют атмосферу картины [Там же, с. 312].

Сотрудничество Михаила Матусовского и Тихона Хренникова начинается с работы над фильмом «Верные друзья» режиссера М. Калатозова. «Песня о дружбе», «Лодочка» и «Что так сердце растрожено» – авторам удалось создать веселые песни с меткими зарисовками характеров. Почти все песни написаны в простой куплетной форме, содержат незатейливые, несложные мелодии, которые соответствовали комедийным стихам М. Матусовского. Не менее известными были песни, которые исполнил Иосиф Кобзон: «Московские окна» и «Поле Куликово».

Начало совместной работы Баснера и Матусовского было положено двухсерийным фильмом «Битва в пути» (1961) по одноименному роману Г. Николаевой. Режиссер фильма – Владимир Басов. В фильме удалось сохранить основные сюжетные линии романа: тему борьбы с отжившими методами руководства и пафос трудовых свершений советского человека. С этой песни началось постоянное творческое сотрудничество Вениамина Баснера с Михаилом Матусовским.

Их совместная работа была продолжена с режиссером Басовым через два года в двухсерийном фильме «Тишина» (1963) по одноименному роману Ю. Бондарева. Режиссера привлекла тема недавнего послевоенного прошлого. Творческим импульсом к созданию песни послужил подлинный эпизод Великой Отечественной Войны. Военному корреспонденту Матусовскому о битве восемнадцати воинов вблизи городка Бетлица рассказал редактор дивизионной многотиражки Николай Чайка и, по признанию поэта, не случись этого, никогда он не смог бы написать свою песню.

В конкурсе на лучшую песню 1964 года, организованном газетой «Советская культура», песня Матусовского и Баснера «На безымянной высоте» вышла победительницей (наряду с «Я шагаю по Москве» А. Петрова).

В 1964 году выходит фильм «Друзья и годы» (режиссер В. Соколов), ознаменованный продолжением совместной работы Матусовского и Баснера. В этом двухсерийном фильме по одноименной пьесе Л. Зорина сделана попытка проследить судьбу целого поколения на протяжении более чем четверти века – с 1934 по 1961 год. С помощью точно найденных стиливых деталей композитору удалось выразительно запечатлеть музыкальные «приметы» времени, вызывающие в сознании слушателей образ определенной эпохи. Сквозь весь

фильм проходит мелодия песни «Это было недавно. Это было давно» – символ далекой, полузабытой юности.

Экранизация романа В. Кожевникова «Щит и меч» (четырёхсерийный фильм, Мосфильм, 1967 – 1968) снова свела творческий союз: Матусовский, Баснер, Басов. В многоплановой киноэпопее авторы стремились воссоздать обобщенную картину интернациональной борьбы с фашизмом на незримом фронте, раскрыть ее глубокий идейно-политический смысл.

Значительная роль в создании эмоционально напряженной атмосферы фильма принадлежит музыкальной обработке. Все четыре серии объединяет мелодия песни «С чего начинается Родина?». Ее интонации проходят через весь фильм как музыкальный образ далекой Родины, мысль о которой неизменно возникает у разведчиков в самые трудные критические моменты их деятельности, требующие максимальной концентрации всех душевных и физических сил.

Продолжая военную тему, следует упомянуть также фильм «На пути в Берлин» (Ленфильм, 1968, режиссер М. Ершов). Центральная идея произведения нашла обобщенное выражение в песне «Последний день войны» В. Баснера и М. Матусовского. Песня исполнена духом мужественной героики и непреклонной воли к победе.

С киномузыкой композитора Баснера непосредственно связан его вокально-симфонический цикл «Вечный огонь» на слова Е. Гальпериной и М. Матусовского (1971). Весь цикл объединяет идея преемственности поколений, нерушимой связи живущих с теми, кто отдал свою жизнь в жестокой борьбе. Эта центральная идея находит выражение в песне «Приходите к вечному огню» на слова Матусовского, которая вошла в фильм «Город под липами» режиссера Алоиза Бренча (1971).

В последующей совместной работе Матусовский и Баснер многократно встречались с Владимиром Басовым, как режиссером фильмов, к которым они писали песни. Это фильмы «Возвращение к жизни» (1971), «Дни Турбиных» (1976), «Факты минувшего дня» (1981), «Время и семья Конвей» (1984), «Семь криков в океане» (1986), «Мышеловка» (1990, Басов – автор сценария).

Из перечисленных фильмов наиболее популярной стала песня «Белой акации гроздь душистые» (к/ф «Дни Турбиных» по одноименной пьесе Булгакова). Романс органично вплетается в ткань фильма, отражая душевное состояние семьи Турбиных, попавших под жестокий пресс гражданской войны, когда безвозвратно рушится все, чем они жили раньше.

Почему выбор пал на «Белую акацию»? Может быть, на мысль натолкнула белая акация, растущая возле дома Турбиных? А может это отзыв души на воспоминание о родном для Матусовского городе Луганске?

Сотрудничество Михаила Матусовского с композиторами-песенниками является ценным культурным явлением, без которого не появилось бы столько известных всем произведений – песен к фильмам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтеев П. Клуб земляков / П. Евтеев // Ворошиловгр. правда. – 1982. – С. 1.
2. Журавлева Т. Л. Здесь напевы всех песен моих, здесь начало моей родословной / Т. Л. Журавлева. – Луганск : Луганск-Арт, 2005. – 25 с.
3. Михаил Матусовский о жизни. И жизнь о нем : сб. / под общ. ред. О. В. Приколоты. – Луганск : Максим, 2010. – 400 с.

УДК 82-31

*Н. С. Ищенко,
г. Луганск*

ЙОКНАПАТОФСКИЕ ЛОКУСЫ В ТВОРЧЕСТВЕ УИЛЬЯМА ФОЛКНЕРА КАК ЦЕНТРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ

Тема малой родины является центральной в творчестве американского писателя Уильяма Фолкнера (1897 – 1962). Образ родного края оформляет его тексты в единое художественное целое, реализуясь в целом ряде локусов.

Более тридцати лет Фолкнер создавал йокнапатофскую сагу – рассказы, повести и романы, действие которых происходит в вымышленном округе Йокнапатофа, штат Миссисипи. Хронологически действие охватывает около двухсот лет – от прихода на эти земли первых американских поселенцев до сороковых годов двадцатого века, времени самого писателя. Топографически же созданный автором художественный космос локализуется на небольшом пространстве американского Юга.

Большую часть своей жизни Фолкнер провел на родине, в штате Миссисипи. Для создания Йокнапатофы автор использовал местный материал, который хорошо знал. Описанные в его произведениях местности имеют черты реальных, образуя в то же время самоценное художественное целое.

Укажем основные йокнапатофские локусы, присутствующие в прозе Фолкнера. Это Джефферсон, Французов Балка, а также усадьбы Сарторисов, де Спейнов, Компсонов в окрестностях Джефферсона.

Джефферсон – главный город округа, провинциальный центр сельской местности, в котором сосредоточены управление, образование, финансовая и юридическая система. В Джефферсоне живут или бывают все значительные персонажи саги. В двадцатом веке, который даётся не в ретроспективе, а как живое время персонажа, в Джефферсоне живёт Гэвин Стивенс, известный как Юрист, окружной прокурор Йокнапатофы, рассказчик, наблюдатель или

участник всех историй цикла, чем подчеркивается центральное положение города в художественном мире Фолкнера.

Французов Балка – посёлок недалеко от Джефферсона, где проживают сразу несколько сквозных персонажей саги. В первую очередь это Билл Варнер, некоронованный король этой сельской местности, без ведома которого не решается никакой важный вопрос. Он не принадлежит к старой аристократии Юга, но в своей сфере занимает главенствующее положение.

Во Французской Балке начинает свою биографию также Флем Сноупс, главный отрицательный персонаж саги, тот человеческий и культурный тип, который Фолкнер считал губительным для нормальных человеческих отношений не только в масштабах Йокнапатофы, но и в исторической и всемирной перспективе. Флем Сноупс это воплощение духа стяжательства, или как выражается сам Фолкнер, сноупсизма. Постепенная карьера Флема от подручного в лавке Французской Балки до самого богатого и преуспевающего банкира Джефферсона символизирует распространение бездушного делания денег как основного вида человеческой активности на различные культурные сферы. В рамках саги эта идея выражается и топографически, в виде перемещения Флема из одного локуса в другой.

Во Французской Балке живёт Юла Варнер, центральный женский образ эпопеи, Елена Прекрасная этого космоса, и В. К. Рэтлиф, главный рассказчик историй, открывающий читателю подлинный смысл событий. Локализация этих персонажей во Французской Балке делает деревню вторым полюсом, организующим художественное пространство текста.

Усадьбы местных аристократов в окрестностях Джефферсона к моменту повествования уже пусты или пустеют, сгорают, разрушаются по ходу действия, в реальном для читателя времени. Эти локусы в мире Йокнапатофы осуществляют связь не пространства, а времени, показывая, как в современной истории округа реализуются смыслы, принесённые его первыми обитателями, повторяются сюжеты, определившие структуру событий много лет назад. К сожалению, все эти линии ведут к торжеству Флема Сноупса, однако в рамках йокнапатофского космоса находятся силы, способные справиться с Флемом, хоть и на последнем рубеже, когда в идейном плане почти все потеряно.

Кроме йокнапатофских локусов в саге присутствуют также города нашего мира: Новый Орлеан, Мемфис, Вашингтон, Нью-Йорк, а также европейские культурные центры – Париж, Гейдельберг, Каталония, военные базы американцев в Англии. В этих внешних по отношению к Йокнапатофе городах жители округа посещают публичные дома, учатся философии, воюют с немцами в Первую и Вторую Мировую, а также с фашистами во время войны в Испании, занимаются политикой и искусством.

Перечисленные внешние локусы связаны с йокнапатофским космосом стихией молвы, которую с философских позиций описывает Хайдеггер [2], а в художественной форме реализует неутомимый собиратель историй Рэтлиф. «Столько лет он потратил на то, чтобы установить и поддерживать ту репутацию, которая делала его единственным в своем роде среди всех джефферсонцев, и уже не мог себе позволить, не смел ходить по улицам, не умея ответить на любой вопрос, объяснить любую ситуацию, все, что, в сущности, было не его делом» [1].

Выделенные Фолкнером пространственные центры существует в мире значений, который формируется жизнью людей, их характерами, поступками, решениями. Хайдеггеровское «люди говорят» выступает у Фолкнера в форме «Рэтлиф говорит» или «Юрист говорит». Фолкнер показывает, что тихая провинциальная жизнь кажется скучной и бессмысленной только тому, кто не знает к ней шифра, не знает, кого нужно слушать. На самом деле сельская глубинка вмещает страсти библейского масштаба, способна стать центром культурного космоса и вобрать в себя всю историю человечества.

Разработка Фолкнером темы малой родины показывает способность поставить виртуозное владение изошрэнной литературной техникой эпохи модерна на службу традиции родной земли и является непреходящим достижением мировой литературы двадцатого века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фолкнер У. Свет в августе. Особняк : пер. с англ. / У. Фолкнер ; редкол.: И. Абашидзе, Ч. Аймагов, М. Алексеев и др. ; вступ. ст. Б. Грибанова ; ил. В. Горяева. – М. : Худож. лит., 1975. – 686 с.
2. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени / М. Хайдеггер. – Томск : Водолей, 1998. – 384 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беломоина Екатерина Сергеевна, преподаватель кафедры теории искусств и эстетики Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (г. Луганск, ЛНР)

Дьякова Татьяна Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (г. Луганск, ЛНР)

Зайцева Ирина Павловна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики перевода Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (г. Луганск, ЛНР)

Звездова Галина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и литературы Липецкого государственного педагогического университета (г. Липецк, Российская Федерация);

Ищенко Нина Сергеевна, преподаватель Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (г. Луганск, ЛНР)

Леоненко Александра Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (г. Луганск, ЛНР)

Литвинова Наталья Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (г. Луганск, ЛНР)

Москалюк Борис Александрович, заслуженный журналист Украины (г. Луганск, ЛНР)

Павленко Александр Евгеньевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка Таганрогского института им. А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (г. Таганрог, Российская Федерация)

Патерыкина Валентина Васильевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Донбасского государственного технического университета (г. Алчевск, ЛНР)

Подтынная Алла Аркадьевна, учитель русского языка и литературы, директор школы-гимназии № 60 им. 200-летия г. Луганска, заслуженный учитель Украины, депутат Народного Совета Луганской Народной Республики (г. Луганск, ЛНР)

Руднев Евгений Николаевич, кандидат филологических наук, учитель (г. Липецк, Российская Федерация)

Чевычалова Светлана Викторовна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Луганской государственной академии культуры и искусств имени М. Матусовского (г. Луганск, ЛНР)

Черниенко Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, профессор кафедры русской и мировой литературы Луганского государственного университета имени Тараса Шевченко (г. Луганск, ЛНР)

Чернов Андрей Алексеевич, секретарь Союза писателей Луганской Народной Республики, заместитель главного редактора литературно-художественного альманаха «Крылья» (г. Луганск, ЛНР)

**МАТЕРИАЛЫ
IX ОТКРЫТЫХ
РЕСПУБЛИКАНСКИХ ЧТЕНИЙ
ПАМЯТИ М. МАТУСОВСКОГО**

19 мая 2016 г.

Ответственный за выпуск:

Н. В. Колотовкина

Технический редактор – *Н. В. Колотовкина*

Компьютерный макет – *Н. В. Колотовкина*

**За достоверность изложенных фактов, цитат
и других сведений несет ответственность автор**

Подп. к печати 27.04.2016. Формат 60x84 1/16. Бумага офсет.

Гарнитура Times New Roman. Печать RISO. Усл. печ. л. 3,9.

Тираж 200 экз. Заказ № 359

Издательство

Луганской государственной академии культуры и искусств
имени М. Матусовского

Красная площадь, 7, г. Луганск, 91055.

Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр издателей, изготовителей
и распространителей издательской продукции

ДК № 4574 от 27.06.2013 г.

Тел.: (0642) 59-02-62